

Наташа Смирнова

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОБРАТНО...

*Рассказы,
провинциальные байки
и одно сценическое действие
для двух человек*



Москва 2026

Наталья Сергеевна Смирнова

Путешествие в обратно...

Рассказы, провинциальные байки и одно сценическое действие для двух человек

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73859492

Путешествие в обратно... Рассказы, провинциальные байки и одно сценическое действие для двух человек. / Смирнова Н.С.: Перо; Москва;

2026

ISBN 978-5-00270-494-1

Аннотация

Смирнова Наталья Сергеевна всю жизнь проработала в МГУ. Она – университетский преподаватель. Французский язык, написание учебников, словарей, сборников текстов: вот что занимало всё время, но именно привычка писать повернула её судьбу в неожиданное русло.

С 2009 года она – член Союза писателей России. Писательство стало для неё и призванием и радостью. Настоящий сборник – попытка познакомить читателя с разными гранями её творчества. Это-личные воспоминания, рассказы и даже попытка сценического действия.

Последнее время автор живёт и пишет в Тарусе, небольшом городке на Оке Калужской области.

Содержание

Часть первая	7
Девчачьи посиделки	7
История № 1	13
История № 2	24
История № 3	31
История № 4	39
Старость Дамы	50
Часть первая	50
Часть вторая	54
Часть вторая	58
Как я попала в Тарусу	58
Как мы праздновали моё новоселье	66
Как мы смотрели мой любимый фильм	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Наташа Смирнова

Путешествие в обратно...

Рассказы, провинциальные байки и одно сценическое действие для двух человек

*Памяти незабвенной
Татьяны Сергеевны Фроловой*

*По несчастью или к счастью,
Истина права —
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратно
Я бы запретил.
Я прошу тебя, как брата,
Душу не мутить!
А не то рвану по следу —
Кто меня вернёт?
И на валенках уеду
В сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю,
Там, где — Боже мой!
Будет мама молодая
И отец живой.*

Геннадий Шпаликов

Издание третье исправленное и дополненное



© Смирнова Н.С., 2026

Часть первая

Девчачьи посиделки

Двухтысячный год, о котором она когда-то, ещё в 1968 году думала с ужасом, остался далеко позади. Тогда это казалось датой, временем, которое не наступит никогда. Почему шестьдесят восьмой год? Просто в этом году она окончила институт и начала работать, отсюда преждевременные мысли о пенсии, которая должна была случиться именно на стыке тысячелетий. Молодость и зрелость остались в прошлом. А в настоящем проявилась очень интересная и пугающая своей комфортной новизной жизнь. Вдруг стало можно и возможно ездить в Европу, которая тогда, в другой жизни казалась чем-то абсолютно недостижимым со всеми желанными демократическими свободами. Да, пожалуй, там и свободнее, и демократичнее, и комфортнее, и еда там с виду лучше, но и дома не так уж и плохо. Вернее, как посмотреть. Работают они не больше нашего, получают зарплаты приличнее, жизнь у них комфортнее, но и налоги весомее. Живут они при ближайшем рассмотрении сложнее и натужнее. Слишком много правил ограничивают их свободы, а мы своими дорожим не очень осознано, привыкнув к тому, что есть.

О чем это она? Скоро ведь «девушки» придут на «вечер-

нюю выпивку», на «огонь в камине», на «поесть не дома», на «поговорить». Девушкам было уже даже не пятьдесят, они смело вошли и выросли в третий возраст и чувствовали в нем себя комфортно и славно. Дети, у кого были, выросли, мужья, у кого были, по славной российской традиции, за редким исключением, поумирали. Остались с ними воспоминания о прошлом и привычная для русских женщин надежда на светлое будущее. Осталось при них умение хорошо и душевно провести время, укладывающееся в наступающий вечер.

Первой пришла Лизавета, толстушка-пампушка, незлобивая и чуткая к чужой беде. У неё было, среди прочих, одно потрясающее редкое в своей естественности качество – она не была сплетницей, она никогда никого не обсуждала и не осуждала. Золотой человек! С выросшим сыном и его семьей Лизавета общалась редко и мало, считая, что сын – «чужая радость», и пусть себе ему радуются его две дочки и вполне славная жена, но отдельно от неё.

– Ну что, как дела? Чем помочь? Она деловито стала помогать накрывать на стол, зная точно, что где лежит и что куда надо положить.

– А нас сколько будет? Пятеро? – А кто?

– Ну вот, опять, сколько, да кто! Что за манера! Да все те же! – ответила Наталья, у которой все сегодня собирались. Я тут суп приготовила – закачаешься! Кулеш рыбный. Только не спрашивай рецепт, за бумагой идти далеко, а память у

тебя хорошей была давно. Договорились? На второе – рагу с мясом, грибами и картошкой, а на третье – чай со сладостями. Желаящим – кисель из клюквы, как в детских садах нам давали. А перед обедом закусон небольшой и выпивон скромный. Сыр возьми в холодильнике.

– Порезать?

– Да нет, он уже порезан. Давай, знаешь, доставай всё, что на тарелках, и сними с них плёнку, уже можно. Ветчину разложи. Зелень добавь. Да вот она, в пакете.

– Мытая?

– Мытая, мытая... Вилки-ложки – знаешь где. Как там Люсёк?

– Не знаю, я её давно не видела.

– Давно, это сколько? Да дня три, два, может. Гордая, не звонит и не заходит.

– Придет, небось?

– Сейчас зайдет, как же без неё-то!

И правда-за окном проплыли три головы, одна из которых была явно Люськина. Надо сказать, что дачи, в которых все они жили, были в одном известном поселке под Москвой. Известным этот поселок стал после того, как судьба и звезды (которые на небе, а не на земле – приходится объяснять) привели туда обычные московские семьи за весьма приличные, то есть не заоблачно большие, деньги. В каждом доме был телефон, вода холодная из кранов и горячая из бойлеров, отопление – что ещё нужно для счастья? Тетки осознали

свою избранность далеко не сразу, только тогда, когда можно было жить за городом недалеко от детей и внуков, но всё же на известной дистанции. Все они с удовольствием там и жили, наивно полагая, что это продлит им жизнь до неясно ожидаемых пределов. Наивность эта заходила так далеко, что ни одна из «девушек» в мыслях не держала коварного плана по уходу в мир иной. «Большинство подождет!» – был их девиз. Вечер обещал быть приятным во всех отношениях. Летом можно сидеть в саду под яблоней, комаров почему-то в этом благословенном раю не было, цикады и лягушки пели свои песни с наступлением сумерек, легким ветерком тянуло от реки – что ещё надо для счастья!

Проплывшие за забором головы принадлежали трем красавицам в прошлом. Одна из них, упомянутая уже Люся – бывшая и, надо сказать, настоящая училка. В школе она больше не работала, но учить продолжала всех и вся и в любой ситуации.

Вот кто всегда и всё знал! Но к этому давно все привыкли и Люськино вечное «бу-бу-бу, ду-ду-ду» было не более чем фоном для окружающих. Татьяна, ещё одна из пришедших, была старше и строже всех. Она была незаменимой собутельницей. Девушки одно время, когда позволяло здоровье, хорошо попивали. «Воробей в рюмке не утонет!» Она говорила так мало, что стала лучшей собеседницей, умела гениально слушать, никого не перебивая, и лишь изредка кивала головой в знак того, что слушает, внимает и понимает.

Никто точно не помнил, где она работала, но это было что-то вроде архива – там особенно не поговоришь. Ещё одна – Светик, Светлана, работала врачом в известной больнице. Её там с благодарностью держали, врачи работают часто долго после начала счастливой пенсионной жизни. Света одна из всех не поседела, волосы не красила и на изнурительных диетах не сидела. Она, даже по собственному разумению, была занудой из зануд, но не злой, а просто любящей порядок вещей. В её доме всегда не по дачному было чисто, все вещи лежали на своих местах по принципу «где положила, там и нашла».

Последней ждали приход Евгеша, Женечки. Евгения Марковна уже забыла, когда она работала. Судьба занесла её с мужем на дипломатическую службу. Вернее, занесло мужа, а она с готовностью последовала за ним. Замкнутый круг, сплетни, интриги, невозможность рта открыть в простоте, все это много лет было её жизнью, её сутью и единственным опытом общением с окружающей средой. Если нужно было рассказать всё и всем, не было надежнее способа, как выложить всё Евгении под великим секретом. Такой болтушкой она с превеликим удовольствием стала, вернувшись из далёких палестин.

Тетки все были славные, привыкшие друг к другу, давно переставшие завидовать как друг другу, так и кому бы то ни было, с плохо скрываемым удовольствием проводившие вечера вместе. Они дружно усаживались за стол, зани-

мая обычные для себя места за столом, охотно ели и выпивали. В чайно-кофейной церемонии были свои примочки. Евгеша пила кофе, но не растворимый, а настоящий, в зернах, который надо размолоть прямо перед завариванием. А Наталья вместо чая – кипяток после шести вечера, потому что заснуть из-за выпитого чая или кофе она не могла или думала, что не могла. Остальные пили хорошо заваренный чай, но без бергамота или других отдушек.

Потом все, кроме Натальи закуривали сигареты легкие и вкусные. Дым разносится по участку, если посиделки на улице, или уносится в жерло камина, если они в доме. И вот тут начинается настоящий пир, то, что они с общего согласия называли – «пир духа», бесконечные разговоры, воспоминания про себя и других. Политики они уже давно не касаются, наелись они её по самое некуда. Им было все равно, кто там, у руля, результат для них всегда был один. Неясные мечты молодости о хорошей пенсии в 120 или даже 132 рубля разбились о последние демократические реформы. Политические персоналии у руля государства не делали их существование легче и лучше. Жизнь научила их не выпендриваться и довольствоваться если не малым, то вполне разумным.

Во время застолья тосты идут один за другим. Третий тост – за приютивший их посёлок, а вторым можно и поделиться. Вот он: «За умниц, красавиц с шоколадным характером. Нас, куколок, ничем не уколотишь!» Надо видеть этих куколок, умниц и красавиц, чтобы понять, насколько они потешались

над самими собой. Молодцы тётки!

Всё, наконец, съедено и выпито, но вечер продолжается. Сегодня – странное время для них для всех. Девушки договорились рассказать о чём-нибудь интересном из собственной жизни, по возможности, то, что другим не известно.

– Давайте, давайте, девочки! Кто начинает? – это Евгеша, инициативная, распоряжается.

– Давайте, кто первый?

– Первая, а не первый!

– Ладно, не цепляйтесь!

– Хорошо, я – хозяйка, я и начну, встряла Наталья. Только условие – я прочту, что написала. Мне трудно говорить об этом так вот, сразу. Мне пришлось написать. Вы же знаете – мне это проще. Только не шуметь и не отвлекаться. Девушки охотно приготовились не шуметь, но отвлекаться не обещали.

История № 1

Предательство

Вот вы всё хотите историю из моей жизни. Пожалуйста, вам одна, которая случилась точно со мной, я ничего не выдумываю. Только я её не рассказывала никому. Пыталась уже взрослой объяснить, но мне всё равно не поверили. Сколько же мне было тогда лет? Двенадцать-тринадцать? Точно не помню. Всю жизнь для меня есть один вопрос, ответ на ко-

торый я так и не найду. Что такое предательство – сознательный обман, неправда, сказанная не вовремя, или заведомое желание скрыть правду? Не знаю...

В свои двенадцать лет я была девочкой крайне, болезненно застенчивой. Не смейтесь, не смейтесь. Это не значит, что я бесконечно держалась за стенки, это значит, что я к себе относилась непозволительно плохо. Папа был погружен в свою работу и не замечал, что рядом растёт ребёнок-девочка, которую надо любить не только молча, по определению, внутри, но и показывать ей материально, что ли, свою любовь, открыто и внешне. А мама любила себя самое как никого другого, была занята своей работой, отношениями с папой, подругами, бесконечной учёбой на курсах повышения всяческих знаний, включая политические. У меня же, по её словам и её прочному ощущению, все было не так. Вместо того, чтобы говорить постоянно девочке, какая она красивая и хорошая, как она хорошо сложена, умна и сообразительна, мама бесконечно удивлялась моей тупости, отсутствию математических способностей, малому росту, большой голове. «Пивной котел»-это самое лестное из определений. Утешением служило то, что у сестры, в отличие от меня абсолютной неземной красавицы (против чего я не могу возразить ничего до сих пор) вместо головы, по словам той же мамы, была «головка тыковкой». Шолоховскую «Поднятую целину» в те поры читали все, и бедный дед Щукарь, со своей необычной башкой был широко известен.

Школа, подруги, книги – вот мой круг интересов и общения. Я точно знала, что математика не мой удел, уже тогда. Я была абсолютным гуманитарием, все мои интересы были сконцентрированы вокруг литературы, истории, иностранных языков. Где-то в восьмом классе был небольшой вираж, мне захотелось стать археологом. Это я прочитала книг о раскопках, о Шлимане и Шампольоне. Добльхоффер с его «Чудесами и знаками» сразил меня в самое сердце. Потом подросл Керам со своими «Богамы, гробницами и учёными». А в девятом классе я читала уже Крачковского и Ключевского, чтение не самое типичное для подростка тех лет. Но я не об этом.

Тётя Нина, сестра моей мамы, жила за городом. Вот кто считал себя красавицей – стать, рост! Она и была красавицей с хорошим характером, покладистой, вечно улыбающейся, любящей всех своих законных и гражданских мужей, проходящих и уходящих мужчин. Вечный пергидрольный перманент и морковно-красные губы были где-то на высоте моих поднятых вверх рук. Она была рукодельницей во всем, что касалось еды – варенья, соленья, огурцы малосольные, компоты, повидла, всякого вида заготовки – это было её стихией. Более того, она все это хозяйство любила искренне и постоянно. Ей принадлежала половина маленького домика с крошечной верандой в посёлке «Застава Ильича». Половина дома – громко сказано. В её части домика было две смежных комнатёнки, из которых вторая, так называемая, запро-

ходная, была для неё спальней, а первая – залой. Так она её называла по своей, южного детства, привычке. В спальне над кроватью висел купленный на рынке гобелен: какое-то озеро? Нет, не озеро – олени с гордо поднятыми головами и огромными рогами. Тётка гобеленом этим очень гордилась. Она любила красоту и уют. При входе в дом была маленькая веранда, разделенная на жилой сектор и прихожую. Собственно веранда была занята круглым столом и шестью стульями вокруг него, диванчик с кипельно-белыми салфетками на спинке и – О! Чудо! – «Агрегатом», в котором были соединены проигрыватель для пластинок и радио. Пластинки можно было слушать уже долгоиграющие. Именно там я прослушала многократно песни в исполнении Шульженко Клавдии и Бернеса Марка. Оба без выдающихся голосов, но оба, поющие душой. «О, голубка моя, как тебя я люблю...» или «Три года ты мне снилась, а встретилась вчера». Слова, как вы знаете, я помню до сих пор. Они так здорово пели, им хотелось подпевать и слушать их одновременно. Они как бы приглашали тебя к себе в компанию: все так могут, и ты тоже сможешь!

С этим домом связано воспоминание абсолютно личное. Папа. Не знаю, что его занесло к тётке. Это было единственный раз, когда мы совпали на несколько дней. Может, он приехал, чтобы я одна не оставалась? Так вот, он приготовил необычайной вкусноты щи из свежей капусты. Ничего особенного-мясной бульон, картошка, морковка, лук, зелень,

собственно капуста, правда, нового урожая. Мы такую называли «свежей». Соль, перец. Мы ели эти щи из одной тарелки, по очереди, он – ложку, я – ложку. Кусок мяса – он, кусок мяса – я. Мы о чём-то разговаривали и ели эти щи. Мы слопали половину кастрюли точно. Остановились только тогда, когда папа понял, что надо оставить еды на вечер для тех, кто приедет. А приехать должны были мама и тётя Нина.

При доме было немного земли, на которой тетка сажала картошку, клубнику, всякие разные овощи, растущие в нашей полосе, и траву зелёную, но не газонную, как вы могли подумать, а укроп, петрушку, сельдерей. Новомодной кинзы и рейгана она не сажала никогда, считая, что они пахнут не коньяком, а клопами. Широты душевной и щедрости она была невероятной. Она не была прижимистой скупердяйкой, она с удовольствием тратила зарабатываемое, говоря, что дети ей помогут. Детьми стали для неё родные племянницы, своих у неё не было. Почему, рассказывать не буду, меня это далеко уведёт. Могу сказать всё-таки, что было у неё два сына, умершие в младенчестве, и одна дочь, погибшая в подростковом возрасте. То есть матерью-то она побывала.

У нас же дома были совсем другие правила, жёстко установленные мамой. Сегодняшним подросткам не понять! На вопрос: «Можно, я съем яблоко?», мама вполне резонно могла сказать в ответ: «Нет, ты уже одно съела!» Это она-то, выросшая в крымском ягодно-фруктовом раю. Конфета тоже полагалась одна «на один приём», да и то, если они во-

обще были в доме. Более того, было абсолютно всё равно, какая она была – шоколадная или соевая. Были такие соевые конфеты под названием «Кавказские», формой как шоколадные, а на самом деле – голимая соя. При этом сама мама была сластеной из сластен. Подозреваю, что конфетная семейная норма втихомолку уминалась ею же самой, главной запретительницей и ограничительницей. Мама была великолепной хозяйкой, экономной и рачительной. Мне это качество не передалось, я-жуткая транжира, но готовлю я хорошо, вкусно и быстро. Обожаю накрывать столы, встречать гостей и всё это без особой подготовки. Муж мой мне говорил, что «суп из топора»-моё лучшее блюдо.

У тёти Нины всё было по-другому. Я очень любила бывать у неё и поэтому тоже, хоть путь к ней был весьма далек по московским меркам. Сначала на метро, потом на пригородном поезде, потом пешком около полутора километров.

Однажды тетя Нина завалилась к нам в коммуналку, когда родители были на работе. Я очень любила, когда она приходила к нам, внося разнообразие и непринужденность в наш дом. Она всегда притаскивала всякой вкуснятины, всего понемножку, но от души. Со мной ей говорить было совершенно не о чем. Она была несколько младше моих родителей, а я становилась подростком, уже не маленькой несмышлёной девчушкой, а девочкой, входившей в мир взрослых. Я принадлежала другому миру послевоенных детей, у нас не было общих воспоминаний о войне и её трудностях. Но в этот раз

случилось нечто – она подарила мне коробку конфет «Красный Октябрь». На крышке нарисован овал, а в нем летящий по своим делам на бежево-вишнёвом фоне рогатый олень. Вручила она мне эту коробку со словами: «Съешь сама, родителям не давай! Надо хоть раз в жизни поесть шоколаду от пуза!» От пуза, так от пуза! Я с нетерпением начала ждать её ухода.

И вот вожделенный миг настал. Коробка открыта, из неё пахнуло дивным шоколадным духом. Конфеты аккуратно лежали, каждая в своей ячейке, сверху были наложены фигурные шоколадки без обертки, а ещё там были бутылочки с ликёром, в серебряных бумажках. А внутри – самый настоящий ликёр! Конфету необходимо было класть в рот целиком, а не откусывать краешек, а то обольёшься, и на груди или на животе останется сладкий спиртовой след. Я ещё не знала, что конфеты были разного вкуса и с разными наполнителями. Одолела я их штук пять-шесть, больше не влезло с непривычки. Что же делать! Тетка ведь строго приказала – тебе всё! Мне поплохело, я представила мамину реакцию: «Ты!? Целых пять конфет!!!» Я всегда знала, что надо делиться, и это было правильно. И вдруг во всю голову стукнуло – отнесу-ка я конфеты завтра в школу. Это же и есть – делиться. С чистой совестью запикиваю коробку в свой большой портфель (хорошо – влезла) и на этом, как теперь принято говорить, закрыла тему.

Мои ровесники, родившиеся сразу после второй мировой

войны, поймут меня. Представляете – в классе на первой же перемене я стала центром внимания. Конфет хватило на всех, даже мне одна досталась. Протянутая классу открытая коробка, полная шоколадного счастья, была опустошена в минуту, мне даже спасибо никто не сказал, не успел просто, так мне хочется думать сейчас. Пустую коробку я выкинула на помойку по дороге домой, хоть и жалко было, она провела у меня в портфеле целый вечер и ещё кусочек дня, и в нём, когда я его открывала, ещё два дня сладко пахло шоколадом. Запах не бил в нос, нужно было вдохнуть внутри, и тогда можно было вспомнить триумфальную раздачу конфет. Мне, конечно, сладко было оказаться в центре внимания целого класса. Я же в своей нелепой одежде, неуверенностью в себе, «пивным котлом» вместо головы, маленьким ростом и прочими недостатками, живущими только в моей душе, знала, что не привлекаю внимания Серёжи Генералова, мальчика, сидевшего на третьей парте у окна, очень похожего на киноактера Сергея Гурзо, героя многих послевоенных фильмов, один из которых показывают иногда по телевизору и сейчас. Это – «Смелые люди». Недавно показывали этот послевоенный боевик, мне снова понравилось.

Прошло где-то около недели. Тетка перезвонила и строго спросила: «Сама всё съела? Как договорились?»-Всё...!!! Не буду же я ей в коридоре, где висел один на всех телефон, рассказывать, как я распорядилась этим несметным богатством, кругом уши обитателей нашей коммуналки, могут маме всё

пересказать. Но что-то душе моей не давало покоя. Беспокойство было плохо объяснимым, но вполне внятным. Чувство это подкатывало под ребёрышко, какие-то неприятные мотыльки летали в моём животе.

Если вы думаете, что на этом всё кончилось, вы очень даже заблуждаетесь. Проходит некоторое время, дней пять-шесть. Совесть моя не спит. Тайн у меня от родителей не было никогда, но не потому, что душа моя лежала открыто на ладонке, а потому, что тайн не было принципиально. Жизнь была настолько на виду, что утаить что-нибудь было практически невозможно. Житьё в коммуналке, в которой ни спрятаться, ни скрыться, в одной комнате с родителями, в которой каждый вздох раздаётся громко, как в пустой церкви, учит даже не предпринимать никаких действий для того, чтобы хоть один квадратный метр тебе принадлежал по праву – всё общее. Известен каждый твой не только поступок, но и намерение на него, что изначально («по определению», как теперь говорят) лишает тебя права иметь нечто, лично тебе принадлежащее. А тут целая коробища конфет. Триумф остался позади, всё в школе стало на свои места, мама вопросов не задаёт, даже наводящих, а папа их никогда не задавал. Тут звонит тётя Нина, спрашивает, как дела. Главный вопрос: «Не сказала?» Отвечаю в трубку тихо, но гордо: «Не сказала, ты же велела!» Собой горжусь, рассказываю, как я весь класс угощала. Реакция на той стороне не скажу, чтобы уж такая хорошая. Что-то неопределённое было в голо-

се тёти Нины, когда она довольно искренне похвалила меня. Разговор заканчивается темой, которую можно назвать «не проколись, не говори, не переживай, я ничего не скажу и не говорила...».

У меня в те поры было странное свойство – я спала как убитая, только моя голова касалась подушки, так, как спят дети, выросшие в коммуналках. В комнате идет своя взрослая жизнь, а ты спишь себе спокойно, и ничто тебя разбудить не может. А тут меня как что-то в бок толкнуло, просыпаюсь, слышу тихий родительский разговор. Они явно чем-то взволнованы, но не шепчут, а говорят вполголоса. Мама – папа, потом опять мама, потом опять папа. Я цепенею ровно через три вдоха-выдоха. Родители обсуждают мой неблагоприятный поступок. Мама в ужасе, что девочка не просто не поделилась с родителями, но и ещё это такой удар по печени – столько шоколаду за один раз. Как она могла! Это на неё так похоже! Нет, это на неё не похоже! И ведь в глаза смотрит, как ни в чём не бывало. Смотри, ничего не сказала, такая скрытная! Как она могла! Хорошо, что Нина нам всё рассказала.

Хорошо!? Предательница! Она же сама мне велела ничего не рассказывать! Чтобы скрыться от этой глубочайшей печали ухажу в сон. Утром просыпаюсь и отчётливо понимаю, что смотреть в глаза родителям не могу, понимаю, как мне плохо жить на свете. Сладкий шоколад воспоминательно встает горьким комом в горле. Понимаю и следующее – мне при-

дётся просить прощение у мамы, не у папы. Искренности в словах извинения не было ни капли. Прощение просила униженно и невнятно. Мама не поверила, что конфеты я отнесла в школу и угостила одноклассников, но милостиво простила, сохранив со мной ещё на неделю сухой тон и пренебрежительное отношение к моим объяснениям.

Вот тогда я поняла, что такое предательство. Тётку я продолжала любить, но точно знала, что взрослый человек может предать тебя в любую минуту и веры ему, этому взрослому человеку нет, по большому и по малому счёту. Именно с тех пор не люблю конфеты в коробках, тем более, что количество и качество содержания резко поменялись. Я не возвращалась к этой истории много лет, мама всех убедила в моей «виновности». Сейчас хочется понять кое-что в своём характере. От того, что поняла, изменилось мало. Но именно из-за этого случая я стала такой, какой стала. Тут уж ничего не поделаешь. При внешней открытости – полное недоверие миру тех, кого я не знаю или знаю много лет, но плохо. Я научилась много говорить и не сказать ничего – это большое искусство. Научилась не открывать рот, хранить тайны в течение всей жизни. Это меня часто спасало в сложных ситуациях. Мама прожила долгую жизнь, и я научилась говорить с ней о многом, не говоря по сути ничего. Мало кто знает, что я думаю на самом деле, стараюсь не сплетничать и перебивать кости близким и далёким. Вы же знаете, девушки, что мне можно сказать всё, и знать точно, что я не

протреплюсь – могила! Свойство характера редкое для женщин. Да и для мужчин, кстати! Можно сказать, что прожила я свою жизнь скрытым и закрытым человеком? Пожалуй, нет. У меня и профессия «общественная», предполагающая контакт душевный и личностный с теми, кого я учу. Я моту всех выслушать и понять. Но чужие тайны для меня – святое! Ни при каких условиях не протрепаться, не начать обсуждать чьи-то секреты или подробности частной жизни. Не скажу, что мне не хотелось поговорить о других, подумать плохое, обсудить чьи-то недостатки – хотелось, очень даже хотелось. Не скажу, что не хочется поговорить с подружками о подружках, нет! Хочется! Но призрак тётки стоит всегда за моим плечом. Уроки, преподанные мне жизнью и её обитателями, были усвоены крепко накрепко. Спасибо тебе, тётя Нина!

История № 2

Весёлая

- Девочки! – взяла слово Лизавета. Я читать не буду, это она у нас писатель, ей легче написать.
- А вот неправда, я вам сколько всего рассказываю!
- Дайте мне теперь рассказать. Это произошло не со мной, но героев этой истории я знаю лично. Вы помните, что у меня были кошки. Целых две, но не одновременно, а последовательно, одна после другой. Истории кошачьи – это нечто

в нашей жизни, знаете без меня! Я расскажу об одной истории любви, которая закончилась весьма трагически для моей подруги.

– Точно для подруги? – вмешалась въедливая Люсечка.

– Ладно, ладно, для меня лично, ты это хотела услышать? Значит, так. Глухие перестроечные времена. Жрать нечего, сыночек ещё не вырос до самостоятельности, мужа нет давно, вы знаете, что мы развелись ещё в раннюю эпоху Брежнева. Но любовниками я себя не обижала. И это вы тоже знаете! Они у меня возникали последовательно, один за одним, я никогда не спала с ними одновременно. Да! Гормон бродил. Но есть одна вещь, которую я делала, как я теперь понимаю, правильно. Я использовала своих любовников не только по прямому назначению, но всегда имела в виду их полезность для моей трудной жизни.

– Так уж и трудной! – вскипела Евгения в гневном праведном. Ты всегда на денежных работах обреталась!

– Да, на денежных, и совсем не всегда, а попозже, а чего мне это стоило? Ужас! Работала день и ночь «по-мужски подходя к своим непосредственным обязанностям». Что, разве не так? Сыночек поэтому часто жил с бабушкой-дедушкой, а я в свободное от работы время делала, что хотела. А хотела я не быть одной. Жаль было мне своей женской доли.

– А кто сказал, что мужья тебе эту мужскую ласку и женские потребности будут удовлетворять?

– Да я не об этом. Мне нравятся лёгкие отношения. А в тот раз ко мне прилепился мужик с виду совсем негодящий, а по сути заботливый и ласковый. Жмота такого я больше в жизни не встречала, а при этом внимательный и предупредительный. Таким жадным сделало его время полного тотального дефицита, когда всё надо было добывать, доставать, выменивать и так далее. В те поры появился у меня кот красоты неземной и характера весьма самостоятельного. Окраса он был нереального, космического. По бокам на сером фоне коричневые полосы, а на коричневорыжей спине серого разлёта бабочка. Моська добрая и красивые зелёно-голубые глаза, не глаза-плошки. Как многие коты он быстро вошёл в силу вполне мужскую и требовал любви странным способом – он ныл около двери с утра до вечера и с вечера до утра. Я его, конечно, выпускала, благо мы жили на первом этаже. Но эта сволочь хотела выходить не через окно, а только через дверь. Ну, ладно, я пока не об этом.

– А при чём тут твой любовник?

– Мой Барсик его активно невзлюбил. Кота просто всего корёжило, когда он ко мне приходил. Звали его Витёк.

– Кого? Любовника или кота?

– Ты слушаешь, или нет? Кот – Барсик, а любовник – Витёк. Мастер он был на все руки, и скупость его вполне компенсировалась этим нераспространённым среди мужиков качеством. И вот, ходит ко мне Витёк, Барсик его активно не любит. Но мужичье племя одно – и тот и другой требу-

ют мяса, весьма дорого в те времена. Ладно – дорогого! Его было не достать! Что – сами не помните?

– Помним, помним! Раздалось в поддержку хорошей пока памяти: «Всё, что было не со мной – помню!», вразнобой, но дружно загалдели тётки.

– Можно продолжать? А помните ли вы, мои дорогие, что телевизоры тогда были ламповые советского производства, что страна наша ещё не подняла с колен электронные промышленности Японии, Германии и Америки? Да, ни больше, ни меньше! Дай, договорю! Сломался однажды мой ламповый телевизор. Совсем. Не то, что звук исчез или изображение помаргивало мне чёрно-белым изображением. Нет, он затих вообще, и было совсем бесполезно бить по нему кулаком в бок. Он тихо умер, а денег на новый не было. Мать одиночка – сами знаете, что это такое, новый телевизор был за пределами моих тогдашних возможностей.

Знали не все, но девушки закивали дружно головами, не раскрывая рта, боясь испугнуть Лизаветину откровенность.

– И вот приходит Витёк с чемоданчиком-дипломатом. Тогда они только-только появились. Мужики с ними ходили не все, а те, кто ходили, гордились необычайно. Самый цирк был в том, что Витёк был на голову ниже меня, что совсем не снижало его мужских достоинств, в койке все одного роста.

– Лизавета, не опошляй! – донёсся с места голос.

– Ой, ладно вам! Деловые! Вот он приходит, весь такой разэтакий, с дипломатом. Дура, ты! Он один пришёл, в ру-

ках был не мужик-дипломат, а чемоданчик такой. Ты чего, спишь, что ли? Проснулась! Направляется прямо в комнату, ставит чемоданчик на стол, раскрывает его, а там – чудо из чудес! В красном бархате инструменты для ремонта моего телевизора. Там ещё были лампочки всякие с разными названиями по цоколю. Красота и потрясающий запах новой вещи. Видели бы вы, как бережно он всё это богатство раскрывал и мне показывал! В бархатных ячейках аккуратнейшим образом все разложено, сгруппировано. «Супер!» А он весь такой гордый-разгордый из себя, просто лопается от этой своей гордости! Правильно делал, что лопался, он на это право имел полное, такое же, как и на моё особое внимание. Квартира, как вы помните, была у меня в те поры однокомнатная, но кухня была большая и доброго слова стоила, там можно было и поесть и поспать. В ней и стол, и стулья, и диванчик заветный вполне помещался. Пообедали мы в полное удовольствие, кота из кухни выгнали, чтобы не мешал такому сладкому единению душ и тел. После этого эксклюзивного единения я осталась мыть посуду, а Витёк пошёл отрабатывать мои незамутнённые меркантильными соображениями ласки. И вдруг я слышу не крик, а рёв: «Убью, сволочь!» Мне в голову сразу не пришло, кто этой сволочью являлся. Вроде, всё было хорошо. На себя подумать я не могла, сын – у родителей. Выхожу я, девочки, в комнату, благо идти недалеко. Витёк стоит у стола, глаза из орбит вылезли, руки трясутся и протянуты к чемоданчику. Я подхожу,

и первое, что бросается в глаза, не поверите, чемоданчик по самые верхние бровки залит водой. Откуда, думаю? Откуда столько воды? Кто-нибудь забрался в наше короткое отсутствие? Нет – окно закрыто. Открыта только форточка. Потом ощущаю сильный запах кошачьей мочи.

– Ладно тебе, моча кошачья не пахнет, пахнет ихний секрет, то есть секреторные выделения, а не тайна.

– Какой секрет?! Пахнет моча!

– Девочки, оставьте! Кот мой, Барсик, пока мы предавались утехам любовным, выразил свою ненависть к моему ухажёру таким вот образом – написал (с ударением на И) точно в дипломат. Но скажите, откуда в тщедушном кошачьем теле нашлось столько мочи? По бровки налил! Я тут стала Витька утешать, а сама не знаю, как донести всё это хозяйство к раковине, чтобы вылить. Всё прямо у бортиков плещется. Кота нигде не вижу, хотя ищу его глазами вместе с ухажёром, чтобы убить на месте. Кое-как донесла чемоданчик до раковины, не побрезговала, вылила прямо в неё. Но бархат-то, бархат был настоящий и удержал много влаги. Как же я Витька утешала, но он был неумолим:

– Барсика, мерзавца такого, надо убить, уничтожить, на крайний случай – выгнать навсегда из дома, чтобы глаза мои его не видели. Но кот испарился сам, думаю, что через форточку, а, может, и через закрытое окно или стены – не знаю! А друг мой сердечный засобирался и быстро-быстро смылся, даже не попрощавшись. Оскорбительно, конечно!

– И телевизор не починил!

– Девочки! Это была наша последняя встреча. Он больше не пришёл. Витёк, конечно, а не Барсик. Барсик приполз поздно вечером. Через окно? Нет! Не через окно! Я уже смирилась, провинился – и убёг! Ложусь, девки, спать. Сон, как вы понимаете, тревожный. Кота, конечно, жалко, но ещё больше жалче непочиненного телевизора и исчезнувшего ухажёра. Мысли всякие в голове. Вдруг у двери входной слышу сопение и какую-то возню. У Витька ключа от моего дома не было. Думаю, может он вернулся? Встаю, иду босиком к двери, прислушиваюсь. Пыхтит вполне натурально. А дверь у меня была по тем временам просто роскошная – обитая снаружи кожаменителем и с глазком. Таких ни у кого в нашем подъезде не было. Смотрю в глазок, а на меня оттуда смотрит огромный синий глаз. Нет, не Витёк, у него, во-первых, не синий, а во-вторых – не огромный. Кто-то продолжает пыхтеть за моей дверью, надо двёрку-то приоткрыть. Боюсь, но приоткрываю. Не поверите – Барсик взобрался по моему кожаменителю и смотрит в глазок. И смех и грех! Думала, умру со смеху! Висит и смотрит на меня. Оторвался от двери и в дом шасть – поесть. На кухне у него лежал свой кус мяса. Ему я никогда не отказывала. А в этот раз в миске была двойная порция – ему досталось из Витиной тарелки. Вот такой случай из моей жизни. Долго одна я не осталась. Витёк, правда, даже не перезвонил, мы расстались навсегда. Но вы-то знаете – свято место пусто не бывает.

Про «свято место» все знали распрекрасно. Секреты личной жизни в их кампании не были тайной за семью замками. Девушки уже хорошо выпили. Такое случалось в их загородной дачной жизни. Благо, идти домой было недалеко. Щёки покраснелись, глаза горят, языки, правда, ещё не заплетаются, но уже развязались. И вдруг одна, самая с виду тихоня решила взять слово.

История № 3

Печальная

– Девочки! Дайте слово! Вот дети наши выросли, живут своим умом, нас не спрашивают, нам многое не нравится, но я вот, например, помалкиваю в тряпочку.

Это вдруг заговорила Светлана, строгая, как всегда и неожиданно решительная в своём порыве.

– Ой! Это называется «Помалкиваю!». Умираю! Да ты лезешь во все дырки их и так не очень-то весёлой жизни. Попробуй, поживи с тобой день ото дня!

– А вот ты и попробуй пожить с взрослыми детками и своими внуками!

– Ладно, я не об этом! Лизаня вас повеселила, а я расскажу рассказ печальный, наводящий на мысли. Никогда и я вам это не рассказывала. Вопрос в том, насколько отношения родителей влияют на «окружающих» детей. Дети живут своей жизнью, не обращая внимания на проблемы родите-

лей. Родители могут сколько угодно выяснять отношения, их дети это в голову не берут. Мне так кажется. Я всё время думаю о том, как часто родители ломают судьбы детей, не спрашивая их на то не только разрешения, но и что они на эту тему думают. Вот пример Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Сергей Эфрон остался за границей после революции, жил себе в Чехии, не давая о себе знать, учился в университете, но так и не выучился. Спасибо Эренбургу, это он привёз Марине весть о живом студенте, отце живой Ариадны и неживой Ирины. Вот печальная судьба! Марина выехала за границу, увозя свою дочку в эмигрантское тоскливое существование. Она же, дочка, спустя годы сама приняла решение выехать в Советский Союз в самое неудачное для этого время (1938 год!) судя по всему под влиянием евразийских идей своего отца? Кто знает!? А потом туда же Марина увозит сына, не спросив толком, хочет он этого или нет. И чем это кончилось – сплошной катастрофой. Я купила двухтомник, посвящённый Георгию Эфрону с его литературными штудиями, письмами, дневниковыми записями. Прочитать не смогла – обрыдалась на первых страницах. Бедный мальчик! Вот вам роль родителей в решении «детских», то есть собственных детей, проблем, принимают решения, не спрашивая, а могли бы и спросить.

Ну а теперь давайте про печали. Вот у меня в моём детстве случилось один раз пренеприятное событие. Наплевать и забыть? Но ни наплевать, ни забыть по сию пору не могу.

Только не прерывайте, а то я до конца не договорю.

Родители вдруг собрались ехать отдыхать вместе. Это было невероятно. Они отдыхали всегда врозь, каждый ехал в свою сторону. Мне теперь ясно – они так надоедали друг другу за год, за долгую и нескончаемую зиму, что где-то в июле – августе они исчезали. Мама – на Черное море, папа – на охоту. На охоту с друзьями. А тут вдруг так неожиданно – вместе! Но самый цирк в том, что они (совсем уже «вдруг») взяли меня с собой, а поехали в Белорусские какие-то леса на папину охоту. Друзей он, против обыкновения, не взял. Попали мы в абсолютно глухую деревню.

– А тебе сколько лет было-то?

– Мне? Лет 13 было, пожалуй. Совсем я была дура душой. К родителям не привыкла. Я их просто не знала. Они оба с утра до вечера на работе, в воскресенье меня к бабушке отправляли. Они для меня были люди родные, но абсолютно чужие. Маму я боялась страшно. Что-то мы сегодня о детстве вспоминаем...

– А как же любовь к родителям?

– А как же материнская любовь? Я всегда знала, что ей мешаю, что раздражаю её своим присутствием. Она не была со мной ласкова, нежна и внимательна, скорее суха и недоступна. Мама почему-то считала, что меня должны были воспитать детский сад, школа, пионерская и комсомольская организации. Она была права по-своему. Ленин с Крупской, не отягощённые собственными детьми, раздали советы по это-

му поводу ещё вон когда, ещё до двадцатого года! Время послевоенное не было мягким. Люди иногда просто голодали, много боялись, работали с утра до вечера трудно и натужно. За опоздание на работу на 5 минут – в тюрьму или в лагерь. Нормально? Послевоенные мужики переженились, кто не был женат до войны, и всё не сидящее мужское население срочно нарождало детей, но без фанатизма. В семьях редко было больше одного ребёнка. Да ты что? У тебя что – много братьев и сестёр? Одна, как перст. Вон, у тебя – довоенная старшая сестра, а у тебя – старший довоенный брат. А так – по одному. Да и то – «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство»! Аборты были запрещены, если помните. Не помните? Естественно, это нас не касалось напрямую. Это потом разрешили.

И вот я, единственный ребёнок в странной семье. Почему странной? Я отца всё время жалела. Он был такой тихий, не скандальный, весь в себе. Он, по-моему, не понял, почему не только женился на маме, но и почему я появилась. О чём мы говорим? Вспомни – нет полиэтиленовых пакетов, ни с ручками, ни без ручек. Какие компьютеры?! Телевизоров не было!

– У меня был. «Ленинград».

– Так это у тебя! Ты у нас из состоятельных! А у нас ни у кого не было. Ни пакетов, ни телевизоров, все живут по коммуналкам, в магазинах покупают сыр и колбасу по две-сти граммов и просят их порезать, радио – одна программа,

что – перечислять? Платьев – одно на одну, о политике не говорит никто, в каждой семье кто-то да сидит, Солженицына ещё не напечатали даже в самиздате! Жуть! Ладно, не продолжаю. Тебе чайку подлить? Хорошо, не надо, так – не надо. О чём это я? Да! Семья в глухой деревне где-то в Белоруссии, недалеко от Жлобина. Какая-то изба, чистая внутри и грязная в сенях. Там же место для домашних животных, и запах от них – телёнка, коз, кур и гусей, очень даже впечатляющий. Но мама терпит. Тут я понимаю, что что-то происходит. Папик иногда покрикивает, мамулик не возражает. Представляете! Это моя-то мама, вы же её помните! Погода-самая расхорошая. Ходим купаться и загорать, рядом река Речица. Папа ходит на рыбалку, на охоту не ходит. Прожили мы где-то недели две. Я отдыхаю, перезнакомилась с местными девчонками и мальчишками, они мне показывают окрестности, ходим с ними за грибами и ягодами. Жизнь как-то наладилась. Меня, по привычке никто не донимает. И вот однажды меня мама строгим голосом зовёт с собой после ужина. Она всю жизнь потом включала этот строгий, не терпящий возражений, тон. Мне надо с подружками бежать, а тут: «Выйди со мной!» Бедный папа подался весь вперёд и хотел что-то сказать, но не посмел.

А лучше бы сказал. Мама меня вдруг отвела в уборную, на улице такая уборная, отвратительная шаткая, вонючая, никогда не мытая, с дверью, которая едва держалась на петлях. Я понять ничего не могла. Мама торопливо закрыла за собой

дверь, набросила крючок, и мы остались в этом безобразном, отвратительном, помещении. Доски прилегали неплотно одна к одной, в полу две дырки. И тут она меня огорошила тем, что они с папой разводятся, что они решили жить отдельно друг от друга. Мало того – она сообщила, что больна раком, что через полгода её не станет. Представляете? Нормально?! Я на себя тогдашнюю смотрю и мне себя так жалко! Мама продолжает: «Ну, с кем ты останешься? С отцом или со мной?» У меня мозги расплавились мгновенно. Сразу и бесповоротно. Что сказать в такой ситуации? В голове только одно: «С тобой – не хочу! Мне будет плохо! А как же папа, моё счастье и радость?»

Замкнутое пространство деревенской уборной, два «очка», в которые я боялась свалиться – (одно неверное движение и ты там, в этой жиже), нависшая надо мною мама, которой уже через полгода не будет на свете, необходимость дать ответ сейчас же – ужас из ужасов, кошмарный ужас, а не просто страх! Ну, вот, что бы вы, девы, сказали в такой ситуации? А? Единственное, что я знала точно, так это то, что скажу: «Да, конечно, я останусь с тобой!» Не могла же я бросить маму в такой ситуации. Это потом, спустя годы я поняла, что не я была нужна, ей надо было оторвать меня от папы, хотя бы вот так, на словах, в осознаваемом мною, ребёнком, пространстве предательства: «Ты же понимаешь, я умру через полгода, и ты вернёшься к своему любимому папочке». Это не сказано вслух, но продумано вполне кон-

кретно и внятно. Господи, как же мне было трудно! Мне и теперь об этом рассказывать очень сложно, просто непереносимо. Давайте, девушки, выпьем! Нет, нет, мне водки. Для чего рассказываю? Для того, чтобы освободиться от этой муки, если хотите. Мама получила от меня заверение в том, что я остаюсь с ней, при этом пообещала мне, что папе о нашем разговоре не скажет. Я оказалась «хорошей девочкой». Вы не представляете, как мне тогда, в этом клозете, было сложно и непереносимо трудно вырвать из себя слова: «Да, конечно, с тобой!» Совсем «не конечно». Будь я старше и опытнее, я бы увидела, что мама не волнуется нисколько, глаза её пытливы и взгляд твёрд, что голос её не дрожит и слова выбраны не случайные. А потом, спустя годы я поняла, что она всё папе рассказала, прикрылась мною как щитом, и шантажировала потом его тем, что я сразу согласилась жить с ней. Мне кажется, что про неизлечимую болезнь она в разговоре с ним умолчала. Мне это привиделось вчера, совсем перед рассветом, когда ты уже не спишь, но ещё не бодрствуешь. Я поняла, как и чем можно было воздействовать на папу, который тогда, был влюблён в другую женщину, что мне теперешней вполне понятно. Вот она, твоя дорогая дочечка, полюбуйся, она уходит ко мне, а не остаётся с тобой. Получи и пойми – чего она стоит, детская любовь. Как и взрослая, кстати. А ведь столько лет прошло! Почему-то я к этому возвращаюсь последнее время. С горы уже спустились, высоты остались в далёком прошлом.

Родителей уже на свете нет давным-давно. Они прожили вместе ещё довольно много лет. Внешне всё было нормально, но клозета я этого не забывала, да и родители отдыхали потом всегда врозь. В сентябре папа уматывал на охоту, а мамин маршрут всегда пролегал на юг, в Крым или на Кавказ. Ну что – вопросы или комментарии будут? Как они, наши родители врозь или по отдельности принимаются кроить наши жизни, решая за нас, что хорошо, а что плохо. Только для кого? Для нас или для них?

У меня ведь тоже своя вина есть. Какая? Развод, когда я, а не Пупкин за меня, приняла решение уйти от первого мужа с двумя мальчиками. Их ведь потом воспитать надо было! Решение-то приняла, другого тогда быть не могло, а потом всю жизнь тушила в себе пожары вины перед детьми. Или это я придумываю? Материнская ответственность перед детёнышами выше всяких поздних рассуждений. Но где-то в мозжечке сидит: а если..?

– Что ты? Какое может быть «если...», включилась Наталья. Всё как случилось, так и случилось. И десять раз ты права, что ушла тогда – вон какая выковалась, ответственная и надёжная! И парни у тебя классные! Что за дела!

За столом вдруг все засуетились, чаю стали подливать в уже наполненные чашки, конфеты расхватывать, печенье друг другу предлагать...

Уж больно откровенна была их скрытная обычно подруга. Никогда ничего подобного они от неё не слыхали, да и не

услышат, это точно.

История № 4

О нашей наступающей старости

А теперь, девы! Дайте мне слово! – вступила молчавшая весь вечер и внимательно слушающая подруг Татьяна.

– Я поняла одну очень важную вещь.

– Дожили! Эта тётка поняла в конце жизни одну вещь! А как с остальными? – ехидно подъялдыкнула Люсёк.

– Ладно тебе! Я всё-таки продолжу. И не надо меня прерывать, я вас внимательно слушала. Старость – это когда тебя больше никто не любит, или любит, но не так, как ты этого, по-твоему, заслуживаешь или как тебе этого хочется. Может, тебя неосознанно любят внуки. Дети тоже любят, но это любовь-ответственность, исправительная какая-то. Они начинают снисходительно делать тебе замечания типа: «Опять Вы, мамаша!» или «Опять Вы, маменька!» Что-нет, что ли? С невестками и зятями отношения складываются и налаживаются до такой степени, что они часто позволяют себе вольности недопустимые. Вот-вот – как с мамой или с папой. А ты и не знала, что на тебя можно повесить голос или просто обращаться как с надоедливой мухой. Учишься молчать. Учишься не реагировать. Получается с трудом, ведь так ведь?

А бабушкинско-дедушкинская любовь к внукам – это, в

прямом значении, любовь безусловная и безответственная, когда не ставятся и не определяются, даже внутренне, никакие для неё условия, когда ни за что, по большому счёту, не отвечаешь. Условий нет, ответственности нет! Приходит время, когда ты можешь, наконец, любить, не ожидая навстречного чувства, не отвечать ни за что глобальное, не брать на себя ответственность кроме той, что простирается в сторону синяков, шишек и ссадин. Ты беззаветно тратишь на детишек-внуков всё своё свободное время, не торопясь никуда. Ты уже точно знаешь, что работа подождёт, что она не волк и в лес не уйдёт, что она не Алитет и в горы не умотает. (Был такой роман когда-то «Алитет уходит в горы»). Ты смотришь на часы только потому, что скоро деткам спать, есть или гулять. Ты всерьёз ждёшь, когда наступит лето, и дражайшие чада приезжают к тебе на дачу из Москвы, и наступает твоё время: родители твоих ненаглядных внуков только и ждут возможности смыться домой. Тёплые тельца, пахнувшие молочком, принадлежат тебе полностью. Не заросший пока родничок, подопревшая попка, синяк на лбу, царапины на ручке – всё это твоё. Ты ничего не жалеешь для них из того, что у тебя есть.

– Спи, мой золотой ребёночек, спи, родной! Заснёшь, а я пойду посмотрю телевизор, почитаю, или сяду стихи посочиняю в своё удовольствие. – Где мама? Где папа? – На работе, деточка! Вот счастье-то! – Когда они приедут? – Не знаю, моя радость!

А потом внучата начинают подрастать и разговаривать. Станным образом успехи собственных детей пролетели в твоей молодости мимо, как и множество разных собственных успехов. Ты ещё сама молода и полна радужных от жизни ожиданий. Это, правда, быстро проходит. Но какое же это счастье, когда дитёнок начинает разговаривать и соображать по-настоящему. «Иди, моё солнышко, пописай на дорожку!»-«Нет, бабуля, я уже на горшочек пописала!» Пока они трогательно маленькие, ты можешь их истрогать (извините за тавтологию) и истискать в полное своё удовольствие, которое в науке называется тактильным. Оно, дитё, сидит у тебя на коленях спинкой к твоему животу, головёшка – под подбородком, ты держишь его мягко и настойчиво в кольце рук, чтобы он не унёсся по своим детским неотложным делам. И ты читаешь ему те сказки, которые выбираешь сама. И вот тут возникают проблемы этического толка.

Страшные Бабки-Ёжки, дивные лесные обитатели, Машенька и Ванечка, семеро козлят, Красная шапочка, все они – полная безотцовщина, только у Колобка есть, только не родители, а бабушка с дедушкой, которые из последних сил наскребли его по сусекам в последних же, судя по всему, проблесках сознания. А у самого у него ни рук, ни ног, ушей тоже нет, только рот. А! Нет – ещё глаза! Бедный Колобок весь в комплексах и поисках понимания и любви несётся навстречу окончательной лисьей опасности, не разбирая пути, ещё и песни поёт! К чему это привело – знаем все.

Золушка без матери при безвольном отце и злыдне-мачехе. Вместо родных сестёр – сводные и злые, издеваются, как хотят, а сами лентяйки полные. Единственный на все сказки отец нерешителен и подозрительно тих. Но зато потом гордится дочкой, удачно вышедшей замуж, вроде как он сам чего-то стоит.

У Красной Шапочки отца как бы и не было вовсе, только мама и бабушка. Мамаша тоже сильна: предупреждает заранее об опасности, отправляет ребёнка через лес, в котором полно всяких нежных и вежливых бандитов типа Волка. А как вам любимая бабушка, которую вполне можно с ним перепутать? Что это были за глазки, ручки и зубки с ушками, если бедная девочка не может отличить зверя от мамы собственной мамы?

Очень бы я не хотела иметь родителей, как у Мальчика-с-Пальчика, которые посылают детей на верную гибель, да ещё и сговариваются заранее. Собственно, речь идёт о задуманном и спланированном заранее преступлении против двух и более человек. Если бы не бдительность малыша, что бы было? А как вам вся ответственность, переложённая на самого младшего? Чем тогда старшие братья заняты?

У лесных обитателей из сказок тоже только старшие сёстры и братья, и то, если есть, а родителями не пахнет. Всякие мышки, лисички, волчата, зайчата, лягушата и медведи из «Теремка» – тоже неизвестно, из какого гнезда выпали. В чистом поле оказываются одни, да ещё в стаю сбиваются –

«Приходи к нам жить!» А родители где? Страшила медведь приходит и всё ломает, на этом сказочка и заканчивается. Все разбегаются, неизвестно куда, в чистое поле. И какова их будущая беспризорная судьба?

А три поросёнка? Наф-наф, Ниф-ниф и Нуф-нуф – славные братья из одного, судя по всему, помёта. А где остальные братья и сёстры? Ведь свинка в опоросе никогда на трёх не останавливается. Ребята оказались с разными характерами и разной же судьбой. Но из трёх-два нахлебника. Мораль? – Всегда отыщется некто, кто тебе поможет в минуту жизни трудную.

Идём дальше. Баба Яга и Змей Горыныч, Кикиморы и Мокриды – сироты-одиночки. Что, не знаете, что такое Мокрида? Это та же Кикимора, только в поле, в открытом пространстве, а не в болоте лесном. Озлоблены все в едином порыве на жизнь и не знают толком, что с этим делать и где найти выход бьющей во все стороны отрицательной энергии. Все лесные твари некрасивые, неумытые и неопрятные, запущенные с детства. Противно даже!

Буратино вообще весь из дерева, и папа Карло для него эрзац-папа, вполне при этом заботливый. Нос мальчику вытащил насильно, хоть никто его об этом не просил. Папа Карло не женат, живёт в подвале, но дружок у него есть, некий Джузеппе. Подозрительная дружба алконавтов! Женщин никаких и в помине нет даже поблизости. Мальвина не в счёт – она из кукол, и у неё есть пёс Артемон в друзьях. Жут-

кий Карабас-Барабас, неврастеник-шизофреник, держатель кукольного театра, носит семихвостую плётку, бьёт страшным образом своих актёров, и ужасен внешне – «Карабас-Барабас, не боимся очень вас!» В общем, сплошной кошмар!

В «Белоснежке и семи гномах» девочку, даже не полную сиротку (папа-то есть), мечтающую о принце, хочет загубить родная мачеха, но над принцессой сжалился королевский слуга. Правда, пришлось ему убить одну лань и предьявить злой Королеве её сердце в шкатулочке вместо белоснежкиной. Гномы тоже категорически без родителей, работают много, но умываться не хотят и содержат в жутком беспорядке дом, при этом всё время между собой ссорятся. Нормально?

И совершенно убойная история о Гретель и Гензеле. У меня полная уверенность, что сказочка была написана для взрослых. Братишка с сестричкой тоже уведены родным папашей (мамаша не осилила тяжести задумываемого преступления, не желая разделять с супругом ответственность) в глухой лес до полной потери, в котором очередная Ведьма встретила детишек с явным намерением их съесть, предварительно зажавив в печке. Жуть! Она их ещё и в клетку посадила, предварительно рассказав детишкам вполне откровенно, что, мол, не ела давно и с удовольствием закусит ребячатиной! Детишки не дураки – обманули всех и сожгли наивную дурунду-Бабулю в печке вместе с её любимым котиком чёрного цвета, потом ушли, прихватив в шкатулке ведь-

мины дорогие ценности и «прожили вместе всю оставшуюся жизнь, никогда не расставаясь». (Так в тексте). Как вы себе это представляете?

А Карлсон, который живёт на крыше? Взрослый дядька средней упитанности тащит мальчика-Малыша к себе наверх в холостяцкую берлогу и просит родителям ничего не говорить, а потом ещё и фрекен Бок в себя влюбляет! Сколько же они нашкодили, чего только не наывтворяли! А родители малыша, его брат и его сестра, хоть и есть, но дистанцируются от предлагаемого веселья.

В «Снежной королеве» у Кая и Герды нет родителей, только бабушка с цветочками на окне. Все проблемы опять на себя маленькая девочка берёт и ничего не боится, а если и боится, то не показывает. Мальчик Кай, мальчонка – ничего себе, сначала поддаётся Снежной королеве, в печали стёклышки-ледышки складывает, а потом с восторгом выходит из-под её влияния, спасённый храброй девочкой-соседкой, и бегут они к бабушке в городскую жизнь, в которой будет у них гордое сиротское счастье.

Агния Барто, стихи которой дети многих поколений запоминают наизусть, тоже понапридумывала кошмарных ужасов, которые только научившиеся говорить детишки считают за честь декламировать в знак того, что они умеют уже и вирши наизусть рассказывать: «Зайку бросила хозяйка, под дождём остался зайка, со скамейки слезть не мог, весь до ниточки промок...», «Уронили мишку на пол, оторвали мишке

лапу...», «Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч!», «Идёт бычок, качается, (с чего бы?) вздыхает на ходу. Ой, доска кончается, сейчас я упаду!». Какая-то бесконечная катастрофическая реальность!

«Репка» – дивная сказка, в которой в едином порыве, с полной взаимной помощью и отзывчивостью семья выдирает репку из земли. Они хлопотливо бегают друг за другом, выстраиваются в стройную очередь: Мышка за кошку, кошка за жучку, жучка за внучку, внучка за бабушку, бабушка за дедушку, дедка за репку. Но вот незадача – папы с мамой опять нет, даже при том, что формула «дедка-бабушка-внучка» отяжелена жучкой, кошкой и мышкой, но родители-то-тю-тю!

Так можно продолжать до бесконечности. Хорошо, что дети не замечают всех этих несуразностей. И Слава Богу! А вывод какой? А вывод в том, что бабушка – главный человек в сказочной жизни, да и то, если она есть. Ценность бабушки в её существовании. А если и дедушка есть, то просто красота, а не жизнь!

Ладно. Вернёмся к нашей теме. «Не летом» дети-внуки ходят сначала в детский сад, а потом и в школу, и ты не можешь приехать к ним в удобное для тебя время. Ты ведь ещё работаешь, надо помогать детям (своим) хотя бы тем, что ты не сидишь у них на шее, стараешься не распускаться и не болеть в своё удовольствие. Болеть нельзя! Дети заволнуются, в приличных семьях принято оказывать внимание престарелым родителям. А тебе в эту категорию престарелых совсем

не хочется. Ты себя утешаешь тем, что возраст твой элегантен и настоян на годах твоей собственной совсем не никчёмной жизни, прожитой лично тобой, ни у кого не взятой в долг или «на понос» – поносил и отдай обратно. Нет уж! Мы будем стараться изо всех сил, до последнего.

А потом оказывается, что ты был или была вроде как бы и не при чём. Внуки выросли сами собой! Их родители, твои дети, не ходили на работу, а воспитывали их как подорванные всю свою молодую жизнь с утра до вечера и с вечера до утра. А на твои слабые попытки восстановить историческую справедливость вдруг начинают предъявлять тебе свои счета за не так сказочно счастливо проведённое детство. А что оно неудачно совпало с послевоенным временем или чёртовой перестройкой, когда в магазинах ничего не было категорически, их не касается. А если и касается, то как-то по касательной. (Красивая фраза получилась!) Возникает чувство вины за то, что твоя жизнь была заполнена не только детскими проблемами, но и собственными чувствами, переживаниями, Любвями, очарованиями и разочарованиями. А ещё и работать надо было. А работать надо было хорошо, от всего сердца.

Вот тут-то и начинают тебя любить не так, как ты себе это представляешь. Что же теперь делать? Обижаться? На обиженных воду возят – не наобижаешься! А стоит, наверное, терпеть и вспоминать, выступать поменьше, приспособляться и вспоминать, вспоминать... И помнить! И всех лю-

бить в едином порыве своего стареющего тела и своей нестареющей души. Ну, всё, можете шуметь и вопросы задавать!

– Какие вопросы, и так всё ясно!

– Ну, ты дала, Тань! А ты заметила, что мы тебя ни разу не прервали и вопросов не задавали, как ты просила.

– Мы себе только позволили смеяться, где хотелось.

– А как тебе это всё в голову пришло?

– А вы позанимайтесь своими внучатами, как я. Сказки я им не просто читала, а рассказывала с комментариями и потом вопросы задавала. И вот однажды младшенький меня огорошил: «А где у Колобка папа с мамой?» Вот вам и результат.

На этом рассказе вечер не закончился. Было жалко расходиться после такого. Но у нас часто происходят вещи не совсем предсказуемые и обычные. Вот вам и жизненный опыт!

– Наташка! Почитай ещё чего-нибудь из последнего!

– Из последнего ничего интересного нет, но есть из старого. Это я давно написала, только очень как-то зло, хоть и хорошим языком и в своём стиле. Заранее предупреждаю, что это не о моей маме, которую вы все помните, а о поколении наших мам, дореволюционного рождения и послереволюционного житья. Хотите?

Хотим! Хотим! – зазвучало довольно дружно.

– Только подождите, я текст найду. Наталья покопалась в компьютере.

– Ну, давайте, слушайте. Назвала я этот рассказ «Старость

дамы», а первое название было «Дама». Посвятила это дело Ингмару Бергману, сюжет уж больно в его стиле.

Старость Дамы

Часть первая

Я эту семью знала давным-давно. Мы дружили домами, сначала дружили родители, а потом как-то плавно дружба эта досталась и нам, их детям. Подруга моя была всю жизнь занята по самые уши, а тут опять надо ехать на дачу. На даче со старой матерью сидит сиделка, ей этим летом исполняется девяносто лет, матери, конечно, если вы меня правильно поняли. Сиделка была вполне молодой и энергичной женщиной. А Дама хоть и преклонных лет, но с характером. Характер этот достался ей от режима. Сталинского. Это поколение дочь Дамы называет поколением уродов. Моральных. Уродское время изуродовало целое поколение женщин, а не мужчин. Мужчин повыбивало на войнах и в лагерях. Вернее, в другом порядке – сначала в лагерях, потом на войнах, а потом, справедливости ради скажем, снова в лагерях. Кого не повыбивало во время или после войны, те прибрались чуть попозже, успев наделать послевоенных детей, которые и ухаживают за своими матерями. Мужики их избаловали совсем, хотя бы тем, что выбрали их в послевоенной сумятице, устав от войны и безбабья на фронте.

Заботу о себе Дама, любящая себя в этой жизни больше

всех, принимала как должное, что вызывало глухое раздражение ее дочери и сына. Сын был старшим и давно не вмешивался ни во что. А вот дочь была погружена в заботы о матери по самое некуда. Сказать, что это не доставляло ей никакого удовольствия, не сказать ничего. Откуда у этих вечных членов партии и правительства было убеждение, что им все должны? С неба упало или с последним дождем? Дама любила вкусно и обильно поесть. Ей было абсолютно все равно, откуда что берется. Можно подумать, что всю свою жизнь она ходила в шелках и бархате, ела в ресторанах икру черную чаще, чем красную, семгу, а не пикшу, а дома ничего не делала, сложив руки на животе, а губы бантиком! Совсем нет! Барыня наша всю жизнь проработала, как каторжная, при этом работу свою любила. Это была наука о микробах. Работа была важна стратегически, так как микробная станция и лаборатория при ней тщательно охранялась государством. Отсюда и важность.

А дочь была с гипертрофированным чувством долга. Она знала всегда, что мать это мать, никуда от нее не деться, что должна она ей, за сам факт своего рождения по гроб жизни. Гроб жизни, судя по всему, маячил уже недалеко, так как ей самой было довольно много лет. Сил не хватало ни на что, эмоции куда-то делись, но неизбежность заботы о матери, даже в большей степени, чем о совсем выросших детях прордлевали иллюзию активной жизни. Дочери не давала покоя одна мысль: нет ничего более извращенного, чем изменение

ролевых семейных функций между родителями и детьми. В последнее время старые родители с удовольствием садятся на плечи престарелых детей и играют в дочки-матери, только наоборот. Капризные, требовательные, не желающие знать, что сколько стоит, потерявшие «гробовые» в девяносто первом, а остатки в девяносто восьмом (спасибо младореформаторам и К), оставшиеся жить в полное удовольствие и не заботящиеся ни о ком, кроме себя любимых, старики и в голове не держат, что век их детей тоже отмеряй.

Сегодня надо было ехать на дачу далеко от Москвы. Слава Богу, теперь продукты везде есть, и в дороге можно почитать неизбежный детектив. Сумки не надо будет наполнять в привокзальных магазинах, все можно купить в том самом городке, который приютил сначала семью отца, а уж потом распахнул широкие объятия его детям. Брат от дачи не отказался. Ему пришлось выплачивать ее стоимость в полном объеме той половины, которая по государственной справедливости досталась ему после безвременной кончины отца. Советская власть делила имущество по строго определенным правилам, раздевавшим наследников догола. Но мы, собственно, не о том. Что такое старость и когда же, черт подери, она начинается?

В последнее время Дочь, испугавшись самое себя, переступив через многочисленные внутренние барьеры, научилась «отбрехиваться», отвечать Даме, а та на дочерние выпады не реагировала никак. Какая несправедливость! Когда-то

были и другие времена в том далеком прошлом, которое можно назвать плюсквамперфектумом, то есть давно прошедшим или прошедшим, которое случилось раньше другого прошедшего действия. Так вот, давным-давно Дама позволяла себе вопли почище Водоплясовых, но только тогда, когда приличных людей вокруг не было. Она любила раздавать пощечины, копаться в чужой переписке, надолго обиженно замолкать, злословить, перемывать кости знакомым и родным, чавкать за столом, не пользоваться салфетками, после обеда вынимать челюсть искусственную и, облизывая, чистить её, редко стирать белье и категорически не любила домашнего быта. Слово «Я» было основным в разговорах личных и телефонных. Оказывалось, что именно она сделала все в жизни безвременно умершего мужа и не умерших, к счастью, детей. А то, кто бы за ней тогда ухаживал, выхаживал в больницах, присматривал каждодневно? Самое ужасное было время, когда Дама садилась к телефону. После её восьмидесяти, при явно подтертом пирамидальном слое или, как его называют, усиленном пресенильном состоянии, телефонные разговоры превращались в пытку для всех домочадцев. История жизни всей семьи в Дамской интерпретации повторялась раз по десять подряд, и это самое малое. Подруг с годами повыбивало теткой с косой, количество разговоров уменьшалось, но не уменьшалась интенсивность чувств и личной заинтересованности в разговорах. Слово на том конце провода не давалось никому, звучала только Да-

ма. Она знала, кто сколько и что съел за завтраком, обедом и ужином. Содержание шифоньеров и гардеробов (она очень любила эти слова), шкафов и тумбочек, сервантов и книжных полок...

Вот тут мне попалась книга рассказов Людмилы Улицкой с ее «Пиковой дамой». Улицкая уже все сказала, мне нечего добавить, а повторяться не хотелось бы.

Часть вторая

Но потом всё-таки захотелось дорассказать эту историю, время прошло, и обстоятельства изменились. Её не стало в 100 лет. Представляете! Супер, а не жизнь. Дочери, подруги моей, не стало несправедливо рано, ещё тогда, когда Даме было 88, а сын ушёл из жизни ещё раньше, как это обычно случается с мужчинами. Потеря, конечно, даже две, но у Дамы мысль одна: «Что со мной-то будет?» А что же дальше? А дальше – тишина!

А дальше дом престарелых хорошего качества. За отдельный блок была отдана государству квартира, в которой Дама прожила всю жизнь. В доме презрения ей жилось вполне сносно, никто к ней не приставал и не донимал вопросами. Ей очень повезло на «контингент», глухой, слепой, с потерянной памятью на вчерашние события. Еды хватало, на пенсию можно было докупить всяческой вкуснятины. Да много ли старушке надо? Еда есть, медицинские работники

под боком, комнаты убираются бранчливыми тётками безропотно. Это она так думала об этом с благодарностью к обстоятельствам сама. Она ни о ком не скучала и никого не вспоминала. Не потому, что болезнь Альцгеймера или просто старческая потеря памяти благодарно накинута на ослабевшие мозги королевны. Ей было хорошо самой с собой, любимой. За стенами шла новая жизнь, что совсем не изменило её привычек. Ей необходимо было делиться с народом своими глубокими мыслями и интересными воспоминаниями. Теперь свою жизнь можно было подправить и очистить от некоторых шероховатостей быта и исторических несправедливостей. И никто не может сделать ей замечание, что, мол, всё было не совсем так или совсем не так, никто не поморщится от тысячи раз слушанного. Свидетелей нет ни одного. Вот когда началось настоящее счастье бытия.

В дом к старикам приезжали молодые начинающие актеры, им показывали старое кино. Иногда это были начинающие парикмахеры, которые с радостью тренировались на седых головах. Библиотека была вполне сносной. Аудиокниги даже были. Но книги книгами, радио она тоже слушала по вечерам, и главным в её последнем десятилетии были благодарные слушатели. Вечерами после постного ужина и стакана кефира они собирались в фойе – и начиналось! Люди просто не знали, с кем связались. Она переговорила всех. Вся жизнь была пересказана в подробностях и деталях. Было столько всего придумано и приукрашено. А ведь, справед-

ливости ради надо сказать, жизнь и вправду была интересной. Столько событий уже просто потому, что жизнь была неприлично долгой. Самое в этой ситуации странное, что она никого не раздражала, всем собравшимся вокруг нравилось слушать её рассказы, им было приятно, что вот кто-то так долго и разумно живёт, что у кого-то всё хорошо и гладко, а прошлое – так просто сказка какая-то! А кто-то глуховатый не сильно-то и прислушивался к речи этой статной Дамы. А как она одевалась! Это могло быть панбархатное платье с высокими плечами по моде послевоенных лет. Иногда она надевала брюки и красивую кофту, но никогда халат. У неё было много украшений, которые не лежалее втуне, а украшали её каждый день. В этом отношении она была большой молодец.

Дама хотела прожить 100 лет, и прожила. А потом устала. Ей отметили юбилей, показали по телевизору в программе новостей, организовали вечер в столовой и даже купили дополнительного угощения, и пригласили актёров местной филармонии. Чудо что за вечер! Пелись романсы, рассказы-вались стихи, какие-то циркачи выступали нестрашно, фокусник удивлял всем известными трюками. Ей хотелось запомнить этот вечер надолго. Она и запомнила и вспоминала до конца.

Из жизни она ушла легко, во сне в тёплой кровати и под мягким пушистым одеялом. Заснула и не проснулась. Все ей дружно завидовали, а чувство зависти не украшает!

Если бы она заказала себе сто пять, она бы сто пять лет и прожила, а так воображение ограничилось ста годами.

– Это ты зря, так строго и несправедливо о целом поколении! – выступила Лизаня.

– Ничего не зря, а просто и чётко! Такими они и были! – отреагировала Евгеша.

– А я не обо всём поколении, но о многих. Кто-то должен был это сказать. Вот мы с Людмилой Улицкой и сказали.

Но в целом, дамы приутихли, комментировать услышанное и окунаться в воспоминания не хотелось – своих забот хватало.

О чём мы говорим, когда собираемся? Кости добела не моем своим друзьям и знакомым, это уже хорошо. О серьёзных вещах говорить не хочется, вся жизнь была серьёзным испытанием. А вот надо же – разобрало в этот вечер на сюжеты, которые в большинстве, были табу. Но славная привилегия возраста и долгосрочной дружбы в том и заключается, что иногда можно и рот открыть. Вот вечер и закончился. Поели, попили, чаю откушали, поговорили славно и неожиданно откровенно. Всё – по домам! Благо, идти, как мы говорили в самом начале, недалеко.

Часть вторая

Несколько тарусских баек, записанных автором

Как я попала в Тарусу

– А Расскажи, как тебя занесло в Тарусу? Только подробно и с деталями. Ладно?

– Хорошо, комментарии потом! А сейчас я вам всё-таки расскажу, как я сюда попала. Очень просто и неожиданно для самой себя. Это была история в духе девяностых. Я работала в МГУ уже много лет. Вдруг по коридорам начинает носиться потрясающей своеобразности дама, потом кивает мне в коридоре, проносясь на своей невидимой метле со скоростью света. Потом меня с ней знакомит Инна Тимофеева, которой уже нет на свете. Летающая мимо женщина была яркая, своеобразная и умеющая дружить, хоть и коротко, но крепко. А я вся в работе. Заведование кафедрой – дело совсем не простое. С утра до вечера работа, работа и работа. Потом я стала одновременно с Университетом директором курсов по подготовке в институт, и работы прибавилось. На преподавательскую зарплату не прожить же. Настало время, когда в семье началось совсем новое время. Муж

мой устал от моей вечной занятости. Мог бы и потерпеть, скажу я теперь. Дети, два сына, к той поре уже подросли, закончили институты и начали работать. Моя надобность для них в каждодневном режиме уже отпала. А моя новая знакомая бесконечно говорит мне: «Поехали в Тарусу, у меня там большой дом!» А мне этот дом тысячу лет не нужен. У меня ведь работа! Я ведь должна быть лучше всех! Дома мне становилось не очень комфортно жить. Муж увлекся госпожой Еленой Блаватской, разлучницей многих семей.

А вот на этом месте небольшое отступление: этим летом я оказалась в одной компании, в которую прибилась незнакомая дама. Для меня не знакомая, а остальные её знали, но шепочно. И вот вдруг она у меня так вот в лоб спрашивает, почему я не замужем. Объясняю, что лет десять назад появилась разлучница Елена Блаватская, у меня формула такая мягкая о моём расставании, чтобы не вдаваться в подробности. Доля правды в этом утверждении есть, но она для посвящённых. На следующий день приятельница новой знакомой, просто рыдая от смеха, рассказывает мне, что дама та очень негодовала, что у такой славной и милой женщины (это у меня), появилась какая-то мерзкая Блаватская, и что хотелось бы на неё посмотреть! Её очень интересовало, где же эта Елена живёт, в Тарусе, Москве или каком-нибудь отдалённом городе. Какое счастье, что есть в мире люди, которые не знают о Елене ровным счётом ничего!)

Начало мая. Татьяна несётся мимо меня на своём помеле

стремительно быстро: «Ну что, едем? У меня машина внизу стоит!» Что-то меня торкнуло. Что я – зря читала «Тарусские страницы»? В сборнике, который до сих пор стоит у меня в книжном шкафу, впервые были напечатаны стихи Марины Цветаевой и её же проза, «Будь здоров, школяр!» Булата Окуджавы, потрясающая повесть Бориса Балтера «До свиданья, мальчики!». А что – поеду! Звоню домой, предупреждаю мужа и сыновей, что меня не будет, я уезжаю в Тарусу, это там, откуда «Тарусские страницы».

За разговорами дорога показалась короткой и комфортной, хотя ехали довольно долго, от Моховой часа три. Приезжаем совсем ночью. Май месяц, тепло, сидим на веранде. Веранда открытая. Потихоньку свободных мест за столом становится всё меньше. Я не очень легко схожусь с незнакомыми людьми, а тут ощущение давней и славной знакомой кампании. Народ подтягивается, зная, что Татьяна приезжает в пятницу вечером. Разговоры обо всём, о погоде, о знакомых, о Тарусе. Выясняется, что сижу я на веранде дома Валерии Цветаевой, а рядом дом Ариадны Эфрон, это сестра и дочь Марины Цветаевой. Вот это да! А совсем рядом Ока! Что-то начинает меня смущать. В мае так тепло, что сидим мы на веранде без пальто, в лёгкой одежде. Наконец я понимаю – нет комаров! Можете себе представить? Недалеко от Москвы, оказывается, есть места вполне бескомарные. Позже оказалось, что в Оке живет какая-то прожорливая лягушка, поедающая личинки комаров. Приятного ей аппетита!

Дивный вечер провели мы тогда. На следующий день Татьяна повела нас в долину Грёз. Надо сказать, что она нас обманула, сказала, что это рядом, совсем недалеко! Оказалось, очень даже и далеко! Шли довольно долго, но красоту увидели неземную. Теперь вокруг много понастроено, впечатление несколько другое, но когда туда попадаешь, забываешь обо всём на свете. Кто живёт в Тарусе – знает, что это за чудо! Прошёл день, потом ещё один, а потом я уехала в Москву, и время опять потекло так быстро в заботах и работе, что некогда было думать о таком странно состоявшемся путешествии. В институте мы стали видаться чаще за застольями и встречами. Нас всех, кто побывал в Тарусе, тянуло друг к другу.

Прошло лето, наступила осень, потом зима, а потом наступало время Пасхи, которая в тот год была необычно ранней. Мы большой кампанией опять поехали в Тарусу. Татьяна, вы же её знаете, соблазнила нас тем, что храм на Воскресенской горе работает, что будет служба, что вообще надо Пасху отметить, нежели мы нехристи какие. Отстояли всю службу, это в моей жизни было в первый раз. Идем из церкви разговляться, держа в руках горящие свечи и закрывая огонь ладошкой. Свечку надо донести до дома так, чтобы она не погасла для исполнения всех желаний. Татьянин дом – третий от Храма. Рядом с Храмом – дом. Станный на первый взгляд. В нём окна финские, огромные. Поворачиваю голову. За окном люди, суetyащиеся вокруг стола, над столом

оранжевый абажур, мягкий свет, праздничная суэта-счастье, в общем. И вдруг я Тане говорю, показывая головой на дом: «Вот этот дом я бы купила!» Ответ был более чем странный: «Вот тебе! Никогда он его не продаст!» «Вот тебе» было подкреплено славной большой дулей в нос. Я не обиделась. Не продаст и не продаст, а я помечтаю. И пошло и поехало... Татьяна удивительный человек-она дарит Тарусу всем, она притягивает странным образом народ к себе, ты начинаешь считать, что кроме тебя для неё никого не существует. Она дарит неопитам всех своих друзей, она делится счастьем обладания некой тайны, причастности и избранности. Вот эта тайна и притягивает к себе. Я уже не представляла себе жизни без Тарусы и её обитателей.

И вот наступает осень 1996 года. Октябрь, холодный и зябкий, солнца нет, облака идут просто по макушке, настолько они низки и тяжелы. Мы опять сидим у Татьяны, но уже не на веранде, а в финском домике. Сидим около камина. Огонь она раздувает с одной спички. Я этому научилась лишь спустя много лет. И вот тут начинается история, которая привела меня в Тарусу в качестве её полноправного обитателя. Татьяна удаляется туда, куда короли пешком ходят и задерживается надолго. Нет её и нет. Потом она врывается вихрем в дом и даже не кричит, а громко шипит: «Быстро! Дед дом продает!» Какой дед? Не въезжаю. Позже я рассказываю эту историю несколько иначе, додумывая детали, чтобы сделать её более драматичной: И вот сидит Танька «в нужни-

ке животом скорбная», как та Санька Бровкина из романа «Пётр Первый» Толстого, но не главного, а второго, Алексея, и читает местную газету «Октябрь», которую она изучает подробнопреподробно, прежде чем употребить по назначению. Газета была почти вся использована, когда Татьяна из природного любопытства переворачивает последний клочок газетной бумаги, уже ни к чему не пригодный, и видит объявление: «Прокопий Кононович Слободянюк меняет свой дом на однокомнатную квартиру». А Прокопий Кононович – это как раз и есть дом с финскими окнами рядом с Воскресенским храмом. Мы тут же кидаемся туда, уже поздний вечер по местным меркам, часов десять, но в приличный дом по такому срочному делу ещё можно было постучать. Мы и постучали, дверь приоткрылась, но с нами разговаривать не стали. Мы ушли восвояси несолоно хлебавши, благо свояси (слово заимствовано у Ариадны Эфрон) эти были совсем рядом. Ну, и что теперь делать?! Но ведь мир не без добрых людей!

Тут мне придется сделать отступление. Всю жизнь я проработала в Институте стран Азии и Африки при МГУ. Татьяниного мужа, Карена Мелик-Симоняна, я знала ещё по институту. В институте сначала учились, а потом работали Николай Георгиевич Щербаков и Евгений Яковлевич Суровцев, мои, смею надеяться, друзья на всю оставшуюся жизнь. Я помню, как в один из приездов в Тарусу, я без грана краски на лице иду по берегу, и мне навстречу идет Николай Георги-

евич. Первая мысль не о том, как он сюда попал, а о том, что у меня ресницы не покрашены. Оказывается, он был привезён совсем маленьким своими родителями в Тарусу. Татьяна Владимировна Щербакова и её покойный муж Юрий Борисович были тарусянами много лет. Татьяна Владимировна прекрасно знает наш город и многих в нём знает. Вот к ней-то мы в ноги и кинулись. Парламентарем, конечно, была не я. Мы ей все объяснили и отправились часов в 11 следующего утра к Прокопию Кононовичу. Дверь он Татьяне Владимировне открыл, пропустил в дом, сесть не пригласил. Так, не присев за стол, мы решали мою судьбу. Я просто прошла в большую комнату, постояла посередине, даже не заглядывая в другие комнаты и углы. Татьяна Владимировна отрекомендовала меня как вполне приличного человека, не способного на обман. Спасибо ей за это сердечное! В те поры она меня совсем не знала. Как оказалось позднее, хозяин дома очень боялся, что его могут обмануть. Договорились о том, что я покупаю однокомнатную квартиру на Кургане (есть такой район в Тарусе) по определённому адресу на улице Марины Цветаевой в третьем доме, а потом мы меняем эту квартиру на дом.

И понеслось! Я не знала, куда идти, что такое БТИ (бе-те-и), как обратиться к нотариусу, как всё оформлять. Но с помощью добрых людей всё как бы и получилось. Дом на Кургане куплен. Почему-то надо ждать две недели, пока проходят документы об обмене по инстанциям. Я умираю от стра-

ха, что Слободянюк передумает (мне квартира на Кургане совсем, ну совсем, не нужна), а он, как выяснилось позже, тоже не очень на меня надеется. Всеми делами занимается его дочь. Цены идут на миллионы. Вспомните – это 1996 год. И вот последний день, документы оформлены и подписаны у нотариуса. Дом мой! А что с ним теперь делать? В последнюю минуту узнаю, что с разницей в неделю к хозяину дома после меня уже приходил покупатель, обещая цену вдвое большую, чем это стоило мне. Слободянюк отказался, сказав: «Я уже слово дал!». За это я ему тоже благодарна безмерно. Вот что значит мужское слово! И ещё одно. В день окончательной «расплаты» хозяин дома проявил себя с совсем необычной стороны. Я начала канючить, что дом надо бы поставить на охрану, что молодёжь хулиганит, что я живу в Москве и не смогу следить за его сохранностью. Поставить охрану стоило тогда 1 миллион рублей. Он мне его отсчитал от и так не очень большой кучки дополнительной оплаты и сказал: «Ставь охрану! Обидно будет, если тут набезобразничают!» Можно себе такое представить сегодня?

И вот я хозяйка дома постройки 1958 года, ноябрь месяц, зима катит в глаза, во дворе одна (реально одна) охапка дров на единственную закладку в печку. Последовательность действий: покупка 5 кубов дров из берёзы, установка охраны, стеллаж во всю стенку для книг, и организация новоселья. В конце ноября я, что называется, «проставилась», и начала полноценную жизнь московской тарусянки.

Как мы праздновали моё новоселье

Девушки, а помните, как мы это новоселье отмечали? Можно, я расскажу для тех, кто не помнит или не знает все. Мы с вами всё вспоминаем, как мы тяжело жили. Представить, что в магазине полки просто пусты, теперь невозможно. Полки – просто пусты, абсолютно, конкретно так. Одно время исчезли даже макароны и соль. Входишь в магазин, а там пустые ничем не отягощенные полки стерильной чистоты. И вот получается, что я покупаю дом и должна организовать новоселье. Много лет подряд народной забавой и обязанностью было накормить пришедших, удивить их разносолами и редкими вкусами. Мы, хозяйки тех лет, научились консервировать всё на свете. По осени солили, закатывали, закрывали чего только не. Ноябрь-месяц, на улице холодно, в магазинах пусто, а я накрываю стол. Это что-то! Даже красная икра, жареные куры, нарезка, белый хлеб, выпивка! Не перечать! Как мне это удалось – не будем об этом говорить. Мне это дорого стоило и по деньгам и по усилиям, но нельзя было в грязь ударить лицом. Просто невозможно! Как отпразднуешь, так и проживёшь! Я заранее всё предусмотрительно покупала, прикапывала, сохраняла.

Нас собралось довольно много-Татьянины и мои подруги и друзья. Мебели в доме почти совсем нет. Есть два дивана, стола нет, стоит древнее кресло, сидение которого провале-

но до пола. Есть плита двухкомфорочная, кастрюли я привезла, тарелки подарила Татьяна. С самого утра мы мыли и чистили дом, безуспешно, надо сказать, но внешне всё стало вполне пристойно. Устали ужасно. Не было сил даже вынести последнее ведро с грязной водой. Вместо стола мы водрузили лист фанеры на какую-то бывшую парту, которую дала мне от щедрот душевных Людочка-Мерлина. Татьяна, о которой речь уже шла не единожды, должна была ехать вечером попозже на своей машине в аэропорт – встречать мужа. Он приезжал из Парижа, он уже тогда туда по делу ездил. Это в те-то времена! Едим, выпиваем, Людок, другая, которая не Мерлина, тогда была на диете и ела просто варёную морковь. Оттого она была сердита, молчалива и непредсказуема. Она не худела, она болела. А мы веселились от всей души. Мы вкусно поели, прекрасно закусили, выпили от души и вина, и водочки. Когда женщины гуляют, что происходит? Начали мы друг другу советы давать. И вот я, такая умная и деловая, рассказываю, как надо готовить солёные огурцы. А началось с того, что среди прочего Татьяна подарила мне на новоселье штампованные под хрусталь стаканчики. Без слёз не взглянешь, но это теперь, а тогда подарок был вполне хорош. От души оторвала! Подошло время чая. Чашек не было, оставалось только в них чай налить.

– Людочка-Мерлина робко замечает: – Не надо, не надо-лопнет стаканчик-то!

– Не лопнет, под него надо ножик подложить, да не ручку,

а лезвие! Я всегда, когда закручиваю огурцы, подкладываю лезвие ножа. Ни разу банка не лопнула, даже не треснула!

– Не надо, не лей! Это уже другая Люда говорит. А Татьяна расселась в кресле вальяжно и небрежно. Кресло, как уже было сказано, было из запасов старого хозяина, продано прежними владельцами до полу. И тут она со своими немалыми килограммами. Сидит в позе странной: коленки совсем наверху, выше головы, попа почти на полу. А над её головой и коленками спорят две умницы: «Лопнет – не лопнет!» Последний довод был убийственным – «Плюнь мне в глаза! Не лопнет!» И вот я с дурьей головы начинаю наливать крутой кипяток в Татьянину чашечку, которую, как я понимаю, она от сердца оторвала вместе с пятью другими. Я же говорила – не лопнет! Смотрю внимательно, не отрывая глаз от струи кипящей воды. Под чашечку подложила лезвие столового ножа. У меня никогда даже банки не лопались, всё обходилось. С первой чашкой всё обошлось, а на второй всё и случилось. Как в замедленной съёмке – лопается стекло, и кипяток по прямой льётся подруге на коленки. Медленно, но, судя по всему, ей больно ужасно. На ногах – колготки, они сразу плавятся и все вокруг охают и ахают. Воды чистой в доме уже нет, но в углу стоит ведро с грязной водой, которая осталась от мытья пола. А почему нет воды? Она есть, но в колонке, до которой надо бежать довольно далеко, а действовать нужно незамедлительно. Заметалась я мыслями и делом, стараясь помочь сразу и действенно. Я ведь добрая

хозяйка, нужно облегчить страдания хоть и грязной водой. Взяла, умница, ведро и плеснула на коленку, а оказалось прямо в лицо, полное ведро воды. На обожженную коленку попало, но мало. В основном, вода попала в лицо и на грудь. Тряпка, которая осталась в ведре, живописно так распространилась по Танькиному телу. Обидно ей и больно было очень! Мы кинулись снимать тряпку, стряхивать грязную воду с коленок, утешать и находить абсолютно ненужные слова утешения.

А Людок-Мерлина, надёжный товарищ, кинулась домой, у неё там спрей какой-то был от ожогов. Там тоже своя история. Дама весьма корпулентная, она неслась с горы к себе домой, рассекая воздух грудью. Рассекать было недалеко. А какая грудь – знаете сами, рассекать было чем! Она так торопилась, что даже пальто не накинула. Напоминаю – на улице ноябрь! В горку шла пара старичков, для которых Людкин пробег стал настоящим испытанием. Представьте, идут себе люди спокойно, а тут баба какая-то несётся мимо. Без пальто, в красивом платье. Вжжжжжик! Ровно через секунду эта же бабища несётся обратно. Вжжжжжик! Вверх по горе с такой же скоростью, что и вниз. Так и остались они в полном недоумении. Принеслась, едва дыша, Людка, обработали рану. Колготки, пока она носилась по горе, вросли в кожу окончательно и бесповоротно. У бедной страдальцы Татьяны волосы мокрые, на груди подтеки воды, нога, это видно невооружённым глазом, болит до ужаса. Мы не зна-

ем, что делать дальше. А тут подходит время – надо ехать в аэропорт. Людочка другая, молчала долго, а тут, съев свои морковные запасы, даёт совет, как очистить голову:

– А возьми-ка ты немного муки, посыпь голову, вотри, расчеши, и всё будет в порядке. Мы всегда так делали. Нам почему-то в спешке и суете не пришло в голову спросить, при каких обстоятельствах и когда они «всегда это делали», а надо было бы!

– Представляете – нашли на Танькину голову (простите за каламбур) муки, посыпали, втёрли, попытались расчесать. Людка, чудо заморское, забыла сказать, что вся процедура проводится на сухих волосах, а не на мокрых. Волосья – в муке, резко искусственно поседевшая Татьяна пытается встать, вынуть тело из продавленного кресла, мы ей все в этом помогаем, тащим её за руки, подталкиваем снизу, поддерживаем со всех сторон. Все вместе идём к ней домой собирать в путь. Нашли юбку не по погоде, помните, у неё была такая вся вразлёт с разрезами по самое некуда. Туфли не налезают. Время вылетать (опять простите за каламбур) в аэропорт. Находятся ботинки. Торопимся, хватаем, что под руку попадает. А попадают, как оказалось позднее, разные. Один – длинный по колено, а другой – значительно короче, нога ведь болит, опухла, и пришлось надеть ботинок на размер больше. В спешке никто не заметил, что ботиночки-то разные. Кроме всего прочего, у одного, старого, некоторое время назад срезали каблук. Это для того, чтобы ходить по

лесам летом было удобно в поисках грибов и ягод. Но у этих лесных бареток была одна особенность – у них носки задирались как на чувяках Маленького Мука. Видели в мультике? Как мы суетились! Я чувствовала собственную вину и суетилась больше всех. Зато от всей души и своего, надеюсь, широкого сердца. Проводили, посадили в машину, посоветовали пальто не надевать, чтобы оно не давило на раненую коленку – всё равно в машине тепло, помахали руками, слабо надеясь, что Татьяна посмотрит в зеркало бокового обзора. Не посмотрела. А машина – Москвич красного цвета, с жёсткой подвеской, с рулём для мужика, а не для слабой женщины.

И вот «выходит она вся в белом» в зал ожидания в Шереметьеве. Голова – не рассказать, мука не ссыпалась, странная такая, с выступающими комками ранней седины. Пришлось накрутить тюрбан из огромного синего шарфа, который был предусмотрительно взят на всякий случай. До самолёта время ещё есть, Татьяна садится на шаткое откидное креслице и тут с ужасом замечает, что у одного ботинка как-то странно задирается нос. Пришлось спрятать ногу под кресло. Сидеть неудобно, клинья юбки распахиваются, а под ними голые ноги, какого-то грязного, а не телесного, цвета, на коленке засохшая уже рана с запёкшейся кровью. Потом она с ужасом понимает, что уж очень видно, что на другой ноге ботинок совсем другой. Таксисты на неё смотрят пристально, оглядывают внимательно, кружат expectantly вокруг, спраши-

вают, не надо ли такси, но сильно не настаивают. И вот объявлен прилёт самолёта из Парижа. Народ с рейса идёт приличный, хорошо одетый. Некоторое время спустя появляется её благоверный, к нему бросаются встречающие компаньоны. Но и Татьяна ведь тоже встречающая, вся в движении к нему! Старается обогнать всех, стремительно к нему приближается, преодолевая боль в ноге, и издали видит, как дежурная улыбка на его лице исчезает, и вот-ужас! Её прилетевший издалика муж резко дистанцируется, под руку не берёт, и говорит, даже не говорит, а трагически низким голосом приказывает: «Иди в машину! И быстро!». Резко так, безрадостно. До Тарусы они доехали и правда быстро, нога у Таньки болит, поговорить есть о чём: Наталья вот дом купила, собрались, отпраздновали...

Уехал он тогда очень поспешно обратно в свою Европу. Сказал, что по делам. А нога заживала долго, шрам остался до сих пор. Спасибо, девушки!

Плюньте мне в глаза, если я стану наливать кипяток в дурацкие стаканы под хрусталь.

Как мы смотрели мой любимый фильм

Все мои смешные истории состоялись, конечно же, благодаря Татьяне. Какой? Всё той же, конечно! У нас с ней есть ещё одна история. Хотите, расскажу? Хотите?! Ладно, слушайте. Обратите внимание—» не я первая это предложила!»

Итак, глухая зима. Тот, кто жил в Тарусе в феврале – марте, знает, о чём это я. Январь ещё скрашен недавно прошедшими Новыми годами и Рождествами. Праздников много – четыре. Старые и Новые. Нам в России повезло. И ещё событие – Рождественский Рихтеровский фестиваль. Чудо, что это такое. Концерты за концертами, целых пять или шесть. На дворе зима лютая, снег и холод, никогда не оттепель, оттепели наступают потом. Все съезжаются на каникулы всей страны и встречаются, встречаются, разговаривают, разговаривают, выпивают, выпивают...

Но вот все заканчивается, и народ разъезжается, а у меня ещё счастье – студенческие каникулы, когда в Университет ходить не надо каждый день, можно работать, где хочешь. Работы не меньше, просто ты вольна выбирать, где быть. Я выбираю Тарусу. Вечера свободны, можно смотреть телевизор допоздна. Один раз в программе нахожу мой любимый фильм – «Мосты округа Медисон». Над книгой я в своё время прорыдала от двадцатой страницы до последних строчек,

а потом вдруг выяснилось, что и фильм есть с Мерил Стрип и Клинтом Иствудом, который сам фильм и снял в качестве режиссёра. Фильм вышел в 1995 году. Актёры ещё молоды и привлекательны. Я такой была совсем недавно. Совсем недавно мне было немного за сорок, дети уже не были младенцами, и хотелось любви. Клинт Иствуд весь такой стройный, закопченный на солнце, мужчина мечты, ещё не седой. Он и до сих пор крепок, статен и привлекателен. А она, Мерил Стрип, никогда не была красавицей, но в этом фильме глаз от неё не оторвать, так она естественна и хороша в своей роли. Чуть позже я поняла, почему она мне так понравилась. Я, в то время, когда смотрела фильм, была красивее её, привлекательнее. Была точно. Это я и поняла. Если она может быть героиней чьего-то романа, так почему и мне не помечтать?

Книга, послужившая основой для сценария, была написана мужчиной, а не женщиной. Мне казалось, что так писать о любви может только женщина, а не – нет, и мужики могут достать своими историями до кишок. История известна – в провинцию приезжает фотокорреспондент снимать мосты округа Медисон. А там живёт себе поживает женщина, в трудах и заботах проводящая свою жизнь. Женщина по имени Франческа – итальянка, которую ветрами очередного европейского экономического кризиса занесло в Америку в штат Айову. Обалдела она от этой монотонной жизни, но привыкла к ней и не роптала. Муж с детьми отправляется на

несколько дней на ярмарку продавать бычка или двух, я не помню, а она остаётся дома одна. Одна впервые лет за пятнадцать. Вот счастье-то! Как я её понимаю! Дело всё происходит летом. Снега, мороза, слякоти и прочих неприятностей погодных нет и в помине. У меня ощущение, что в Америке всегда лето и тепло. И в эту самую минуту, в этот самый летний час у дома останавливается автомобиль, и из него весь такой из себя неотразимый выходит Клинт Иствуд. Зовут его, конечно же, иначе – Роберт. Она стоит на крыльце, видит его, но ничего пока не случается. Он же выходит на минуточку, спросить, как проехать. Вот и вся завязка. На всю жизнь. Ты ведь никогда не знаешь, где тебя твоя судьба найдет, на какой печке. А здесь судьба распорядилась именно так, как распорядилась. Он и она. Он – на подножке запылённого автомобиля, она-на пороге собственного дома.

– Как проехать тут до одного моста?

– А вот так вот – прямо, направо, налево, немного вперёд и, не доходя, упрёшься, если найдёшь.

Несколько дней, совсем немного, пять или шесть, вечер, проведённый вдвоём, сумерки, вино в больших бокалах, вопрос-ответ, вопрос-ответ. Темнеет, на столе зажигаются свечи. Супер, как эта любовь зарождается у тебя на глазах. Вот она в ситцевом платёйшке, которые носят только в юности, а она его и носила, когда была молоденькой девушкой, «милфлёр» такой, рисуночек в цветочек. Вот она держится за ручку автомобиля, она совершенно готова выпрыгнуть из маши-

ны мужа и того спокойного существования, в котором её застал Роберт-Иствуд. А мимо на своём рыдване уезжает любовь всей её жизни, как окажется позднее. Вот он разбирает свои фотопринадлежности, что-то делает с фотоаппаратом, тетради какие-то перекладывает, копается в ящике. Вот они едут искать этот самый мост, который он не смог найти вначале. Вот она позирует, а он фотографирует её, желая её каждой клеткой. А мост называется «Розовый мост». Вся книга о любви и долге. Расставаясь, они сохранили, сами того не зная, это огромное чувство. Он больше не появлялся в её жизни, она помнила его все оставшиеся ей годы. После её ухода в мир иной заботливые дети нашли в сохранившихся бумагах записи, пролившие свет на ту давнюю историю. Когда я читала последние страницы, я уже не просто всхлипывала в платок, а рыдала почти в голос, благо читала я книгу всё в той же Тарусе. Вот так вот – незабываемое впечатление. Советую почитать и не рассказываю подробностей не случайно, а то вам неинтересно будет, я и так почти уже всё рассказала.

По этой самой книге и собирались показать фильм по первому каналу, правда, очень поздно, где-то в час ночи. Вы помните, с чего я начала? Зима, февраль, у Тани в доме холодно, и я её приглашаю не только ночевать в гостевой комнате, но и, – О! Какое совпадение – смотреть фильм по моей любимой книге. Я его сама смотрела, но в плохом качестве, другой копии я не нашла, да была она чёрно-белая, убитая

совсем, как теперь иногда говорят. Татьяну я предупредила, какое счастье её ждёт, но поздно, совсем ночью. Поверив мне на слово, она обзвонила мало мне знакомых людей, знакомых я обзвонила сама – счастьем надо делиться. Дождались начала с трудом, так как я-то знала, что нас ждёт, а Татьяна подавила в себе желание поспать, которое возникло уже часов в десять. За окном темно, в доме непривычно для неё тепло, мы поужинали вкусно, ещё немножко винца приняли – вечер-то долгий. Теперь слово Татьяне. Вот как она рассказывает об этом случае сама:

– Представляете? Наташка учудила! Будем, де, смотреть фильм из фильмов, о любви. Ну, о любви, так о любви! Согласна. Вы же знаете, эта змея не даёт у себя курить, а сколько я курю – вам вполне известно. Да! Часто! Что теперь делать! Пришла я к ней не очень рано, на улице тьма крошечная. Хорошо было одно – в доме тепло. Мне сразу в тепле спать захотелось, но я терпела изо всех сил. Меня Наташкино поведение должно было бы насторожить сразу: обложилась подушками, справа – гора носовых, мною подаренных, платков с кружавчиками, а слева кучкой под руку – старая, смятая, но стираная простыня. – Зачем? – спрашиваю. – На всякий случай! Странно, на самом деле, она ведь плачет редко и не прилюдно. Начинается фильм. Тощая и никакая Мерил Стрип. Такой тип женщин по вполне понятным причинам я не люблю. Клинт Иствуд тут приезжает на убитом шарабане. Мужик какой-то негодящий, ничего особенного,

пыльный, как и его автомобиль, неряшливо одетый. Высокий рост его только для Наташки высокий. Фильм – ни о чём! Говорят, говорят – чего говорят, спрашивается? Едут куда-то вместе на его рыдване, она там у моста какого-то крытого позирует, на её месте я бы этого не делала, чего там показывать-то? Курить хочу – умираю. Наталья хлюпает в простыню и обращается ко мне, напрасно, скажу я, за сочувствием. Надо добавить, что обзвонила я довольно много народу – будет фильм обалденный про любовь, Наташка в этом кое-что понимает, она в теории всегда была сильна. Прости, Наташа! Перезванивает мне, ну, скажем, Людочка, спрашивает, когда начнут американцы про любовь показывать, фильм-то поздний! – Не знаю, отвечаю я резко, – Поздно, после часа ночи, но фильм стоит того. Резкость от того, что курить хочется-умираю! А в доме нельзя, и выходить надо на веранду, где холод вполне себе собачий, а Наташка вслед талдычит: – Закрывай дверь, закрывай дверь! И ведь не для того, чтобы было тепло, а чтобы табаком не пахло. Тут я разозлилась окончательно, когда входила обратно в дом, – закрыла дверь от всей своей души.

– А теперь я снова расскажу. Да, (тут должна быть многозначительная пауза) не люблю я, когда в доме пахнет табаком. Когда вы у себя курите, ничего – я привыкла. Меня, надо сказать, удивила Танькина реакция полного разочарования фильмом. Она начала, как-то некстати, метаться на веранду для получения стремительного никотинового удо-

вольствия. Да, (тут опять пауза) просила я её дверь закрывать. Я ведь не представляла, чем всё кончится. Смотрю я себе фильм в цвете и хорошем звуке, балдею от игры американских актёров и вдруг слышу и чувствую всем телом, как немаленький мой дом содрогнулся в конвульсиях. Грохот был такой мощности, которой я представить себе не могла в самом дурном сне. Это было землетрясение какое-то, цунами, лавина снежная, а не гром! Дом подёргался, потрясся всеми брёвнами и нехотя встал на место. Наступившая тишина оглушила просто-таки своей нереальностью. Какой там к дьяволу фильм – выбегаю в прихожую. Картина маслом! Татьяна Сергеевна лежит на спине, замерев и держа в руках ручку от входной двери. Она с удивлением вглядывается в эту старую ржавую ручку, пытаюсь вспомнить, откуда она взялась, и почему она за неё так крепко держится. В дырочках висят гвозди, печально так висят, прямо ей в нос, и Татьяна их рассматривает пристально, как в увеличительное стекло. Взгляд её при этом внимателен и полон заинтересованности к деталям и немного расфокусирован, как при сотрясении мозга. Не знаю, что она там себе сотрясла, но я ей строго так предложила:

– Вставай, Танька!

– Не трогай меня, дай полежать. Я ничего не сломала?

– Откуда я знаю?

Голова её оказалась в дверном проёме маленькой гостевой комнаты, которая была прямо напротив входной в дом две-

ри, самоё же тело её развалилось весьма вальяжно, как мне вначале показалось, в прихожей. Крови нет, руки-ноги вроде на месте. Меня, как вы понимаете, её переломы в тот момент не интересовали – там, в комнате, продолжалось действие. Там они умирали от любви, там она не могла бросить семью (мужа и детей, мальчика и девочку, совсем подростков). Я их оставила в полном раздрае чувств, а эта змея не встаёт! Что делать? Лежит, за ручку держится пуще прежнего и не собирается вставать, отдыхает, создаёт во мне чувство вины. Я себя ещё и виноватой должна чувствовать? С чего бы это? Она мне, можно сказать, дверь сломала или, может, вполне вероятно, и весь дом. Что, его зря трясло, что ли, так сильно. Выход я нашла:

– Танька! У тебя волосы попали в стабилизатор!

В прихожей у меня стоял холодильник, а стабилизатор в уголочке при нём. Это я правильный ход нашла. Вы представляете себе, как Татьяна может встать? Правильно – на четыре счёта – сначала на коленку, потом рукой об пол, потом поа вверх, а потом сама за своим телом. А тут она не встала, она взлетела, не опираясь ничем об пол. Вот она лежит – вот она уже стоит. Как лежащий карандаш ставят грифелем перпендикулярно в стол. Быстро так взлетела. Стряхнула невидимую грязь с юбки, собрала волосы в пучок. Обиделась ужасно:

– Да, поставлю я тебе твою поганую ручку на место!

Обещала ведь, но, как показало время, не поставила. При-

шлось мне эту старую ржавую ручку прибавить обратно самой, а потом и весь дом переделывать до неузнаваемости. Фильм я досматривала одна, обливаясь слезами уже открыто. В голове мысли о возможных скрытых Татьянинных переломах даже не появлялись. Прости, кума, так захватило меня действие. На ней даже синяков не было, но падение было капитальным и грандиозным. Залегла она обиженная не на шутку тихо в той самой гостевой комнате, которая так радушно приняла её голову и тихо проспала до самого позднего зимнего рассвета.

Утром было ещё интереснее. Мнения тарусян разделились. Кому-то фильм понравился. Эти звонили мне. А те, кто не принял фильм категорически, звонили Татьяне. Звонили все на мой городской телефон, мобильных ещё не было. Вот тут она на мне отыгралась:

– Видишь?! Я говорила – ничего особенного!

Звонков ей было больше по весьма простой причине – она обзвонила большее количество народу. Вот тебе и зимние вечера!

А я говорила и говорю: – Фильм прекрасный! Книга великолепная! Автор – Роберт Джеймс Уоллер. Название, если кто не запомнил – «Мосты округа Медисон», читайте! А в интернете фильм выложен в открытом доступе, бесплатном, кстати – смотрите, не пожалеете! Сравним впечатления?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.